

А. А. Ермичев
ВИССАРИОН ГРИГОРЬЕВИЧ БЕЛИНСКИЙ:
ПРОТИВ СТЕРЕОТИПОВ

Он был ценим при жизни — издателями, читателями и такими же, как он, братьями-литераторами. Имя талантливого критика знали все. Но даже близкие ему люди и помыслить не могли о том, какая слава уготована литератору в его России — слава «великого сердца», «великого мыслителя», «великого критика», «духовного отца русской интеллигенции» и даже «предтечи большевизма». И сторонников, и противников у Белинского было предостаточно, причем и с одной, и с другой стороны людей достойных, по праву чествуемых за их заслуги перед нашей культурой. Только обозначение имен, вовлеченных в противоборство вокруг идей Белинского, — а это имена Достоевского и Соловьева, Лаврова и Михайловского, Розанова и Блока, Мережковского и Иванова-Разумника, Плеханова и Ленина, — позволяет говорить о нем как об одной из главных фигур русского самосознания.

В долгой истории его посмертной жизни, обнимающей чуть более полутора века, можно и даже нужно выделить одну дату, которая отмечена в Антологии специальным разделом с названием «Респектабельный Белинский. Юбилей 1898 года». Исполнилась пятидесятая годовщина его мученической кончины. Все считали нужным и приятным почтить его память. Даже власть, даже церковь не могли не принять участия в соответствующих собраниях и заседаниях. Описывая его заслуги перед народом, газеты прямо-таки захлебывались от восторга и зорко отслеживали проявления нелояльности в отношении «неистового Виссариона», беспощадно настигая их карающей дланью общественного мнения. По всей России — вплоть до ее Богом забытых уездных городов — девятым валом прокатилось бесчисленное множество самых разных торжеств, посвященных памяти Белинского. В венгеровском «Источнике словаря русских писателей», набранном, разумеется, самым мелким шрифтом, разделы

«Юбилейные статьи в газетах и журналах» и «Торжества по случаю юбилея. Лекции, панихиды, проекты различных учреждений имени Белинского» занимают 23 столбца, или почти 12 страниц!

Все это было крайне симптоматично. Майские-июньские дни 1898 года показали, что в России сложился устойчивый тип мировоззрения — к тому же претендующий на монопольное значение в общественном сознании. Содержание его задавалось идеями Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Писарева, Михайловского. В пределах этого мировоззрения могли быть различия, могли идти идеиные войны (как, например, марксистов с народниками), но то были войны между своими, в рамках равно разделяемых ценностных установок. Это мировоззрение получило имя «интеллигентского», или «просвещенства». Его глубинное содержание было образовано гуманизмом, сциентизмом, материализмом, атеизмом и социализмом. Противоположное ему религиозное и идеалистическое мировоззрение было потеснено разночинцами — активными носителями и творцами «просвещенства». Они же придали ему внешнюю форму политического и социального радикализма. В этом движении русского ума складывается вполне определенный облик Белинского — бесстрашного народного заступника.

Впрочем, празднование юбилея в 1898 году было, пожалуй, последним свидетельством претензий интеллигентского мировоззрения на монополию. Приходила новая генерация деятелей русской культуры — декаденты и символисты. Начиналось время русского духовного ренессанса с его вниманием к христианству и национальному своеобразию русского развития. Набирал силу новый русский идеализм (сборник «Проблемы идеализма»). Материализм, атеизм, социализм и революционеризм русской интеллигенции стали предметом ожесточенных дискуссий. Революция 1905–1907 годов придала им политическую остроту.

В эти годы наследие Белинского оказалось востребованным в высшей степени. Защитники «наследства», почитатели критика и его эпигоны (С. А. Венгеров, Р. В. Иванов-Разумник, Е. А. Ляцкий) издают его сочинения, но, кажется, только для того, чтобы другие подвергли Белинского оглушающей критике. Выступление Ю. И. Айхенвальда (его «Силуэты» и «Ответ критикам») было, пожалуй, самым сильным «антибелинским» выступлением, судя по тому, как быстро и встревожено сплотились против него защитники интеллигентского наследства.

Однако выступление Ю. И. Айхенвальда мы не признаем первичным; оно само было несколько припозднившимся отолоском знаменитого сборника «Вехи» (1909 г.), в котором интеллигентское мировоззрение было подвергнуто исчерпывающему анализу и почти уничтожающей критике.

Авторы «Вех» атаковали не ту интеллигенцию, которая известна под именем «образованных классов», а революционеров, революционную интеллигенцию. По здравому рассуждению «Вех», первая интеллигенция, интеллигенция как таковая, нужна и важна. Она ведет созидательную работу во всех областях культуры и общественности. Иное дело — интеллигентщина, революционная интеллигенция последних пятидесяти лет («более полувека» — уточняли «Вехи»). От исполнения своей позитивной задачи она уклонилась, а ведет разрушительную работу против наличной реальности. Сузив свое сознание соображениями о «переустройстве» общественных форм, т. е. политикой, она перестала понимать, что творческая сила в человеке, внутренняя жизнь личности являются началом начал всякого общественного строительства. Следовательно, мировоззрение революционной интеллигенции с ее материализмом, атеизмом и социализмом просто-напросто противоречит природе человека. Тогда оно практически несостоятельно и не может привести к предполагаемой цели — освобождению народа.

По утверждениям «Вех», результат работы интеллигента повсюду более чем плачен — в философии (об этом писал Бердяев, Булгаков, Гершензон, Франк и др.), в психическом складе интеллигентского сознания, неприспособленного к упорному каждодневному труду (С. Н. Булгаков, А. С. Изгоев), в неумении устроить семью и сносный быт (А. С. Изгоев), в чуждости народу (М. О. Гершензон, С. Н. Булгаков), в правовом нигилизме (Б. А. Костяковский), в безрелигиозном отщепенстве от государства (П. Б. Струве), наконец, в писаревщине, во вражде к культуре (С. Л. Франк). Помимо того, все они находили совершенно неприемлемым моральный терроризм, который устраивала интеллигенция ко всем, кто не разделял ее канонов.

Белинский стал одним из главных, если не самым главным антигероем «Вех». Булгаков прямо именует его «духовным отцом русской интеллигенции». Гершензон находит историю русской публистики после Белинского «сплошным кошмаром». Позиции других веховцев почти таковы же.

Таким образом, со стороны весьма образованной и очень талантливой части русской общественности наследие революционной интеллигенции было подвергнуто резкой критике и даже ostrакизму, — более того, ostrакизму политическому. Спор о мировоззрении, о культуре и тому подобном в тех обстоятельствах непременно превращался в спор политический. Стала почти обязательной политизация и актуализация наследия Белинского. В этом преуспели все, и конечно же — марксисты, увидевшие в Белинском своего предшественника (Г. В. Плеханов, В. И. Ленин).

Логика политического подхода к Белинскому получила продолжение в наши дни. Антисоциалистическая революция 90-х годов минувшего века повлекла за собой катастрофические последствия для России. Ее история сделала еще один зигзаг. Как положено в таких случаях, наша интеллигенция снова начинает свое переосмысление отечественной истории. Принципиально отрицают саму идею революции. Вместе с демонтажем социальных завоеваний Октябрьской революции апологеты свободной России начинают демонтаж научного, материалистического мировоззрения, реставрацию монопольного положения религии. Пересматривается социальная и общекультурная значимость великой русской литературы.

Естественно, пересмотру подлежит наследие так называемых «революционных демократов». В Петербурге вчерашние коммунисты стирают имя М. Е. Салтыкова-Щедрина из названия публичной библиотеки; улицу Белинского хотят переименовать в Симеоновскую. Уже появляются шипящие и бранчливые статьи — «Гений в оценке пигмея (Пушкин и Белинский)», «Белинский как эмбрион» или «Рыцарь идей на полчаса: как неистовый Виссарион сокрушал Виссариона Смиренного». В 2009 году постсоветская интеллигенция отмечала столетие сборника «Вехи» почти как свой национальный праздник.

Составитель Антологий тоже понимает необходимость нового взгляда на прошлое. Собственно говоря, только эту цель и преследует предлагаемое собрание текстов о Белинском. Это тем более необходимо, что под влиянием политических страсти, особенно в советское время, роль этого выдающегося деятеля русской культуры рассматривалась только через призму его вклада в освободительное движение. Но, похоже, современные противники Белинского тоже смотрят на него только через свои контрреволюционные очки.

Конечно, пролагая новые подходы к Белинскому, следует опасаться какой-нибудь мифологизации его имени. Такая опасность существует всегда. Предупредить ее можно при соблюдении трех условий. Первое из них — определение главной жизненной идеи Белинского и выявление ее творческого присутствия во всех формах и вариациях его мировоззрения. Составитель полагает, что центральной у Белинского была идея высокой и даже высочайшей ценности личности, идея гуманистическая, христианская и, если хотите, — персоналистическая. Только она образует стабильную, нерушимую сердцевину его жизненного пути и всего корпуса его литературно-критических выступлений.

Второе условие — признание органической связи Белинского с русской жизнью, убежденность, что своей деятельностью он по сво-

ему выразил «преобладающую думу» своего времени, улавливая изменения в русской жизни. Направление этих изменений — в сторону демократизации (многим казалось — плебеизации) культурной жизни. Такие процессы особенно энергично начались с шестидесятых годов XIX века, но начало их нужно связывать с именами Н. И. Надеждина, братьев Полевых и, конечно, В. Г. Белинского.

Овладевая культурой и изменяя ее состав, разночинец-демократ невольно становился носителем идей освободительного движения. Социально-политические и культурные начала русской жизни сближались. Судьба гуманистических идей Белинского стала определяться взаимными отношениями либерально-демократической и революционной ветвей освободительного движения, но также и реакцией на его идеи охранителей и консерваторов. Составитель полагает, что конфронтация всего освободительного движения с самодержавием и синодальной церковью необходимо привела к революции 1905–1907 годов и февраля-октября 1917 года. Радикальные силы русской революции, взяв власть и удержав ее, подвергли жесткой ревизии культурное наследие прежней России. Наконец, советские историки, продолжая дело радикалов освободительного движения, вылепили привычный нам образ Белинского — народного трибуна, атеиста, социалиста и революционера. Точно ли, что он был таким?

Третьим условием является возможная полнота предлагаемого материала, который с равной мерой позволяет судить о Белинском как «*pro*», так и «*contra*». Для значительной части советских читателей очень долгое время Белинский представлял только и только в «*pro*»-освещении. Большой запас материалов «*contra*» в обстановке общепризнанного и официального почитания фигуры великого критика не то, чтобы сознательно замалчивался или игнорировался, а, задвинутый в примечания, очень естественно на первый план не выставлялся. Совсем просто было с теми противниками Белинского, кого не допускали в советский идеологический пантеон. А и действительно, чего, собственно, можно было ожидать от М. П. Погодина?

В настоящей антологии составитель надеется соблюсти необходимую объективность при освещении позиций противоборствующих сторон.

Но, собственно, о каком Белинском идет речь? Дело в том, что Белинский — это исключительный по своему значению литературный критик, значимый настолько, что один из историков нашей литературы не без основания предлагал более точным именовать основной этап ее развития не «гоголевским периодом», а «временем Белинского». Но мы знаем и другую ипостась Белинского — выдающегося идеолога, вдохновителя не одного поколения русской

освободительной интеллигенции. Он был патриотом своей страны, а по возможностям своего душевно-духовного и интеллектуального склада — просветителем. Он пропагандировал идеалы гуманизма и рациональности в то время, когда наша культура складывалась как культура национальная и обретала мощный источник своего развития — литературный язык, созданный Пушкиным, Гоголем, Лермонтовым. Отстаивая достоинство личности как непременное условие развития России, он сближал культуру с социально-политическим действием. Дальше такое сближение стало ведущей тенденцией русской жизни.

Такой Белинский является героем настоящей антологии.

Личность Белинского и его идея

Юноша Белинский плебейского, разночинного происхождения — «родом я штаб-лекарский сын», — писал он в своем прошении о приеме в Московский университет — едва ли помышлял о своей ответственности перед русской историей, когда через нужду, неустроенность жизни, в борьбе с собственной невоспитанностью и необразованностью пробивался к заветному берегу — к работе, которая могла бы дать ему возможность существовать. Оказалось, что это было работой с литературой, к которой его тянуло с детских лет.

Бог весть, как ему удалось попасть в университет, но и там он не задерживается надолго: по слабости здоровья и по выдуманной начальством «ограниченности способностей» его исключают из числа студентов. Трудно сказать, какую роль в этом случае сыграла написанная им трагедия «Дмитрий Калинин». Дело в том, что Московский цензурный комитет запретил «Дмитрия» 30 января 1831 года; с университетом Белинский расстался 14 сентября 1832 года, т. е. через полтора года после запрета — едва ли трагедия была главной причиной исключения...

Повлияла ли необразованность Белинского на характер его литературно-критической деятельности? Обязательно; будь он образован так же, как кн. П. А. Вяземский или даже М. П. Погодин, то в каких-то деталях по иному сложилась бы биография русского самосознания. И сегодня многие негодуют по случаю «необразованности недоучившегося» студента. Но ведь нельзя и не видеть того, что этот плебей был первым критиком 30–40-х годов XIX века, рядом с которым просто некого поставить.

Нам нужно хотеть не лучшей истории, чем она у нас есть, а принимать ее такой, какой она была — с автодидактом Белинским, который благодаря своей чудовищной работоспособности и гуманистической

энергетике русской культуры стал тем, кем он стал — такой фигурой русской истории, которую из нее невозможно удалить. Если же кто-то решится на такую операцию, то он оставит в истории русской культуры пустоту, огромную непонятную дыру...

Пока же Белинский не известный литератор, а никто. Ему предстоялись различные возможности для трудоустройства; — не Бог весть какие! Но произошло чудо — еще в студенчестве он приился к журналу «Листок» (стихотворение «Русская быль», небольшая рецензия на «Бориса Годунова», в которой мимолетом он похвалил и Н. И. Надеждина), а в феврале 1833 года знакомится с этим последним — известным и популярным профессором Московского университета и не менее известным и популярным журналистом. Белинский закрепляется здесь, на литературном берегу, у Надеждина, в «Молве» и «Телескопе». Еще и то замечательно, что обстоятельства московской жизни свели неотесанного провинциала с симпатичной молодежью, которая размышиляла о вопросах всегда волнующих юношество — о Боге и человеке, о любви, смерти и бессмертии, наконец, о стране, в которой она жила. То был знаменитый в истории кружок Станкевича.

Благодаря уму, энергии, самостоятельности и трудолюбию — да, да, а теперь — трудолюбию (что воспитывалась бедностью и необходимостью зарабатывать на жизнь)! — Белинский выделился среди новых товарищей и стал выдающимся деятелем русской культуры, «обойдя» их в этом отношении — может быть, не менее талантливых и определенно более образованных, чем он.

Но то же самое полуниценское, бедняцкое прошлое в сочетании с особенностями природной психологии Белинского выработали в нем своюственную русскому литератору способность сострадать ближнему. Уже ко времени «Дмитрия Калинина» гуманистическое начало прочно занимает центральное место в сознании Белинского.

В предисловии к своей трагедии автор-студент пишет, что при работе над драмой он руководился «непонятным стремлением» разгадать «тайну существования» человека, понять его назначение, его судьбу, его нравственное величие в пространстве «чудной, гармонической, беспредельной вселенной». Задача такая осталась неизменной для оставшихся четырнадцати лет жизни Белинского, а разрешалась она всегда при подчинении императиву высочайшей и первичной ценности личности. Если это требование в рамках какого-то мировоззрения выполнить было невозможно, то Белинский искал другую его форму, более подходящую для своей цели.

Вопрос об эволюции взглядов Белинского исследован хорошо. Шеллинговский период (1834–1836) сменен коротким увлечением Фихте (где-то около года в 1836–1837 гг.), затем пошла полоса

примирительного гегельянства (до 1840 г.), смененная увлечением идеями социализма — не как социальной теории, а в форме гуманистического идеала, чрезвычайно напоминающего славянофильскую «соборность». Последний отрезок его мировоззренческих исканий, выпавший на 1846–1848 года, можно смело назвать социально-реалистическим. На каждом из этих этапов Белинский преследовал одну и ту же задачу — разрешить коллизию «личность и мир», чтобы найти такую форму их взаимодействия, которая удовлетворяет человека, давая ему возможность полного и свободного развития.

Шеллинговский период — то самое время в биографии «вельми дерзкого» Виссариона Белинского, когда к нему пришло убеждение в истинности найденного им пути. Он становится БЕЛИНСКИМ — не просто литератором, но литератором общественного значения, человеком, к мнениям которого прислушиваются все — и друзья, и противники. С детства присущее ему чувство личности, получив шлифовку в среде «отборных по уму, образованности и талантам и благородству чувств молодых людей»¹ — речь опять идет о кружке Станкевича, — обретает ясную формулировку: цель жизни человека — «в полном сознании своего человеческого достоинства, в гармоническом проявлении сокровищ своего духа»².

Как ярки, сочны и богаты краски в «Литературных мечтаниях», какими автор описывает «весь беспределный прекрасный Божий мир», бывший «дыханием вечной идеи» — мысли Творца. Основная идея «Мечтаний» — ценности человека в силу его Божественного предназначения: «Гордись, гордись, человек, своим высоким назначением... Уничтожь свое своекорыстное Я... дыши для счастья других, жертвуй всем для блага ближнего, родины, для пользы человечества, люби истину и благо... для истины и блага тяжким крестом выстрадай твоё соединение с Богом, твоё бессмертие, которое должно состоять в уничтожении твоего Я в чувстве беспределного блаженства»³. В следующей большой статье Белинского «О русских повестях и повестях Гоголя» снова говорится о человеке как символе мира и конечном проявлении бесконечного. Теперь Белинский — философский христианин, и, обозначая такую свою позицию, он индивидуализирует личность. «Мир преобразился крестом,— написал Белинский.— Родилась идея человека, существа индивидуального, отдельного от народа, любопытного без отношений, в самом себе»⁴.

¹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. XI. Письма 1829–1840. М., 1956. С. 35.

² Там же. Т. I. С. 204, 205.

³ Там же. С. 154.

⁴ Там же. С. 315.

Сход Белинского в «фихтеанство» показал, насколько расплывчат и непрочен был реализм «шеллингианства» с его слишком идеальным идеалом любви, пригодным для восторженных юношей, но не для суровой прозы жизни. Горячий дух Фихте был полезен; хотя он и сузил мир до субъективного сознания, зато разрешил духу быть деятельным, рассмотрев действие как форму его существования. Как-никак, то было все же какой-то ориентацией на реальность, которую приходилось признавать.

Философия Гегеля, пришедшая на смену шеллинго-фихтевским увлечениям Белинского, пришлась очень кстати. Она была идеальной и идеалистической, но не презирала реальности. Это последнее Белинский с пылкостью неофита воспринял по-своему: он счел, что все действительное — даже «чудовищное самодержавие» и «будочник, прибивший человека» — разумна. Что же наделал Белинский? Признав вместе с Гегелем, что «возникновение и падение царств и народов не случайно, а внутренне необходимо»⁵; теперь уже противореча великому немцу побежал еще далее, к утверждению, будто «Все, что есть, все то и необходимо, и законно, и разумно»⁶.

Но что казалось таким правильным в теории, на практике выглядело иначе. Действительность не была привлекательной, она отталкивала. Она — «чудовище, вооруженное железными когтями и огромной пастью с железными челюстями». Она «пожрет... всякого, кто живет с ней в разладе и идет ей наперекор»⁷ — такой он видит действительность, в которой «властвуют и играют роль подлецы и дюжие посредственности, а все даровитое и благородное лежит в позорном бездействии». Все вокруг Белинского разрушало прекрасные представления о личности как символе мировой гармонии и участнице ее строительства. Сердце Белинского не выдержало. Он порывает со своей логикой оправдания действительности и сожалеет о статьях этого рода. «Забудьте этот вздор», — попросил он Герцена.

Отказ от примирения Белинский оформил как прощание с гегелевской идеей логически необходимой и телеологически определяемой истории, движимой к мировой гармонии. По толкованию Белинского, в гегелевской истории человеку была уготована роль строительного материала, к тому же радостно сознающего себя в этом качестве. А молодому человеку претили жертвоприношения во имя светлого будущего: «...если бы мне и удалось влезть на верхнюю ступень

⁵ Там же. Т. III. С. 414.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Т. XI. С. 288.

развития — я попросил бы Вас (обращается он к Гегелю.— *A.E.*) отдать отчет во всех жертвах условий жизни и истории...»⁸

Он упрекает своего друга за то, что Мишель предпочитает логику чувству. «Я мыслю сколько в силах, но уже если моя мысль не подходит под мое созерцание или стукается о факты — я велю ее мальчику выметать вместе с сором»⁹. Он надеется не на мысленное разрешение противоречий, а на действительное, жизненное. В соответствии с действительностью по чувству и фактам он предлагает новое представление о личности. Теперь личность для него — это не мое «Я», обозначенное трудными проблемами отношений с духом, а просто человек, живой, конкретный человек. Конечно, этот конкретный человек заслуживает всех и всяческих прав; вопрос только в том, дает ли общество эти права ему? Может ли дать?

Фазис «примирения с действительностью» и пережитый опыт восстания личности против Молоха истории многое дали Белинскому. Изменяется качество его мышления. Философское осмысление действительности сменяется социально-технологическим. Он обращает свой взор к «французам», к идее социальности и ищет реального способа помочи реальному, конкретному человеку. В таких поисках он опробовал позицию революционеризма, завершившейся было нечаевско-ткачевскими выводами, и позицию сочувственника и помощника наличным прогрессивным тенденциям русского развития.

Разумеется, в сознании революционерствующего Белинского личность продолжала оставаться высшей ценностью; противоречия с революционной формой ее утверждения не видел не только критик, не только круг его просвещенных друзей, но, пожалуй, и все прогрессивное общество его времени. Нужен был опыт революционного движения семидесятых годов, чтобы у Ф. М. Достоевского и В. С. Соловьева это противоречие было, наконец, осмыслено и ясно выражено.

Да, можно сказать, что однажды — не чувствуя того — Белинский отступил от своего персонализма; но с еще большим правом нужно утверждать, что руководящим началом мировоззрения критика на всем протяжении его жизни была высокая ценность личности, ее свободы и гармонии ее с обществом, исполненном доблести и достоинства.

Смена форм мировоззрения — довольно частая для 13–14 лет его творческой жизни — оппонентам Белинского казалась подозрительной. Она давала повод говорить о критике как о флюгере (М. П. Погодин) и даже о «Виссарионе-Отступнике» (Ю. И. Айхенвальд).

⁸ Там же. С. 315.

⁹ Там же.

По двум причинам такие упреки ничего не стоят: во-первых, движение от Шеллинга через Гегеля к Фейербаху было движением современной Белинскому всей западнической мысли, и, во-вторых, существенным для него нужно считать не смену форм его мировоззрения, а удержание в этой смене персоналистического принципа. О ситуации, когда стало возможно упрекать критика в отсутствии у него «субстанциального зерна», принципиального мировоззрения, сам Белинский как-то высказался, защищая Гейне от таких же нападок. Своему другу, В. Боткину, он пишет: «То, что ты называешь в нем (т. е. в Гейне.— А. Е.) отсутствием всяческих убеждений, в нем есть только отсутствие *системы* (курсив мой.— А. Е.) мнений, которой он, как поэт, создать не может, и, не будучи в состоянии примирить противоречий, не может и не хочет, по немецкому обычаю, натягиваться на систему. Кто оставил родину и живет в чужой земле по мысли того нельзя подозревать в отсутствии убеждений»¹⁰.

Белинский жизнью подтверждал наличие у него этого «зерна».

Составитель осведомлен о Белинском — выдающемся литературном критике, чье имя неотделимо от имен Пушкина, Грибоедова, Гоголя и Лермонтова, о том, что он тогда же является историком русской литературы, эстетиком и философствующим мыслителем, что у него были свои соображения об истории вообще и истории России в частности, равно как и то, что принадлежал он скорее к кругу западников и проч. и проч. Но антология не может вместить в себя суждений о всех многообразных гранях таланта Белинского. Составитель ограничивается одним, но главным аспектом его деятельности, который придал жизненную силу его художественной критике, истории литературы, эстетике и философии, истории и социальной проблематике — его ролью воспитателя русского общества. Такой Белинский значительно превосходит Белинского — литературного критика. Задавая вопросы Богу, Абсолюту, природе, обществу, России, и отвечая на них в своих годичных литературных обзорах, статьях, рецензиях и письмах друзьям, Белинский всегда исходил из интересов личности, конкретного человека, как бы при этом не толковалось общество — номиналистически или реалистически. Высокая и даже высочайшая ценность личности, конкретного человека — вот идея, образующая сердцевину всех форм мировоззрения Белинского. Не раз и не два, а множество раз сочувственники Белинского и его противники отмечали высокое учительское значение трудов и жизни Белинского — только первые — с благодарностью, а вторые — с чувством зависти и неуемной злобы.

¹⁰ Там же. Т. XII. С. 17.

Приведу только два утверждения выдающихся русских людей. Известный в свое время художественный и музыкальный критик В. Б. Стасов высоко ставил Белинского-воспитателя. Интересно при этом, что воспоминания Стасова относятся ко времени его обучения в Училище правоведения — элитного учебного заведения николаевских времен, которое готовило кадры высших государственных чиновников. «Белинский был,— пишет Стасов,— решительно нашим настоящим воспитателем. Никакие классы, курсы, писания сочинений, экзамены и все прочее не сделали столько для нашего образования и развития, как один Белинский со своими ежемесячными статьями. Мы в этом не отличались от остальной России того времени. Громадное значение Белинского относилось, конечно, никак не до одной литературной части: он прорицал нам все глаза, он воспитывал характеры, он рубил, рукою силача, патриархальные предрассудки, которыми жила сплошь до него вся Россия, он издали приготавливал то здоровое и могучее интеллектуальное движение, которое окрепло и поднялось четверть века позже. Мы все — прямые его воспитанники»¹¹. Оценку В. В. Стасова дополню выступлением выдающегося революционера-анархиста П. А. Кропоткина: «Сказать, что Белинский был высокоодаренный литературный критик, и ограничиться этой характеристикой — невозможно. Он был, в сущности — в чрезвычайно важный момент общественного развития,— учителем и воспитателем русского общества,— не только в области искусства — его ценности, его задач, его объема — но также в области политики, социальных вопросов и гуманитарных стремлений»¹².

Следует подчеркнуть, что высокая эффективность социально-педагогической деятельности Белинского имеет свои основания в самой его личности. Все исследователи не раз отмечали необыкновенную слитность, органическую сращенность жизни критика и его идей. Для него не было вопроса о каком-то зазоре между мировоззрением и жизнью. «Моя статья и я — всегда нечто неразделенное», — говорил он. Отсюда — редкая субъективность его суждений и оценок, которая придавала статьям и рецензиям Белинского почти исповедально-личный и всегда эмоционально-заражающий характер. В счастливом случае — как то было с Белинским — его субъективная идеальность совпадала с объективным требованием времени, что и сделало имя критика очень дорогим для нескольких поколений русской молодежи.

¹¹ Стасов В.В. Собр. соч. 1847–1886. Т. 3. СПб., 1894, стб. 1681.

¹² Кропоткин П.А. Идеалы и действительность в русской литературе. СПб., 1907. С. 314.

жи. Имея в виду такую особенность творчества Белинского можно настаивать на двух важных следствиях.

Во-первых, можно и должно говорить об оригинальности его творчества. Обычно его называют последователем какой-либо европейской или социальной системы (Шеллинг, Гегель, социалисты). Это и справедливо, но не всегда точно. Дело в том, что названные системы выступали для критика не в своей внутренней систематической полноте, а в отдельных моментах и принципах. Связь между ними Белинскому диктовал не Шеллинг или еще кто-то, а логика его жизни, повинуясь которой он и выстраивал собственные соображения о Боге, мире, человеке, истории, добре, красоте и т. д.— обо всем, что мы по своей привычке зовем философией. Да, да, именно статьи и рецензии Белинского есть одна из разновидностей самостоятельного русского ума! Что касается «правильного или неправильного» восприятия тех или иных элементов иноземной системы, то, как о том верно заметил С. А. Венгеров, это имеет только узкоспециальное значение.

Второе важное следствие из положения о слитности творчества и жизни у Белинского — это очевидно выраженная в его поступках и суждениях склонность к радикально-резким формам их проявления¹³. В очень непростых условиях русской жизни эта особенность характера критика в значительной степени определила его репутацию в общественном сознании. П. А. Вяземский числил его «бунтовщиком», «кондотьером», самое меньшее — «литературным наездником». А. И. Герцен именовал его «человеком экстремы». К. Полевой писал «о жестокости, даже дикости» ума Белинского и объяснял это тем, что ум этот был «оставлен без образования». Некоторые современники не стеснялись употребить слово «невменяемость». Белинский знал об этой особенности своего склада. Одно время ему лъстило прозвище Бульдогов. В декабре 1847 года, за полгода до кончины, он признавался: «Я не обольщен моим талантом, я знаю, что моя сила не в таланте, а в страсти, в субъективном характере моей натуры и личности...»¹⁴ Более того, страсть свою он воспринимал как «источник и мук и радостей», не смея и не желая переломить себя. Исследователи Белинского, всегда замечавшие это качество его характера, по-види-

¹³ Напомню об анекдоте, случившемся с Белинским во время его первого приезда в Москву. Цыганка ему нагадала: «Люди почитают и уважают тебя за разум, только языком не сшибайся. Ты едешь получить и получишь, хотя и сверх ча-
яния» (А. П. и Е. П. Ивановым 21–31 декабря 1829. XI. С. 26). А он пренебреж предупреждением...

¹⁴ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. XII. С. 455.

мому, только в начале XX века оценили его как серьезный фактор объяснения радикализма критика. Например, П. Н. Сакулин отнес своего героя к разряду активно-эмоциональных характеров мучеников и героев — таких как св. Тереза, Франциск Ассизский, Петр Пустынник, Лютер, Савонарола и др. с их исканием Царствия Божьего на земле, объясняя одновременно этим обстоятельством резкость Белинского, подчас чрезмерную¹⁵. Психологическое пояснение Сакулина не исчерпывает проблемы. Н. К. Михайловский говорил о ней на языке социальной психологии. Европеец, рассуждает он, имеет за плечами более или менее определенную историю, которая придает твердость и силу культурной традиции. «Отсутствие истории создает дряблость, нравственную слякоть, но зато, если уж выдается в среде, лишенной истории, личность, одаренная инстинктом правды, то она способна к гораздо большей широте и смелости, чем европейский человек, именно потому, что над ней нет истории и мертвящего давления предания»¹⁶. В такой форме Н. К. Михайловский поставил вопрос о максимализме русского характера, что позже — в XX веке нашло свое подтверждение в наблюдениях Н. А. Бердяева, Н. О. Лосского, С. Л. Франка, Б. В. Яковенко и других знатоков русской ментальности. В этом случае максимализм Белинского оказывается проявлением типичного русского характера, воспитанного особыми обстоятельствами истории.

Всю силу своего ума и сердца Белинский отдал своей Родине. «...Нельзя не любить отечества своего, какое бы оно не было... Только надобно, чтобы эта любовь не была мертвым довольствием тем, что есть, но живым желанием усовершенствования»¹⁷. Для него ярчайшей фигурой русского патриота был Петр Великий. Западничество Белинского было особого рода. То было «не столько любовью к Западу как таковому... сколько желание, чтобы Россия не только стала на высоту всего лучшего, что выработано Западом, но еще и превзошла все это, и заняла первое мировое место во всех сферах жизни как духовной, так и социальной»¹⁸. Он был «русским в европейском духе». Нет смысла вообще обсуждать проблему патриотизма Белинского по очевидности этого его свойства, и нет смысла приводить его высказывания о России, русском народе, русской культуре. Напротив, совершенно непонятны чудовищные

¹⁵ См.: Сакулин П.Н. Психология Белинского // Голос минувшего. 1914. № 4.

¹⁶ Михайловский Н.К. Записки профана. Прудон и Белинский (см. наст. изд.).

¹⁷ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. III. М., 1956. С. 255.

¹⁸ Спекторский Е.А. Белинский и западничество // Записки Общества филологии, истории и права. Вып. 6. Варшава, 1912. С. 36–37.

утверждения Достоевского о ненависти Белинского к своей любимой стране, которые великий писатель высказал в письме Н. Н. Страхову от 18 (30) мая 1871 года.

О структуре Антологии

Составитель исходит из понимания неразделимости творчества Белинского и русского освободительного движения. Да, Белинский был одним из наиболее уважаемых и почитаемых учителей русской интеллигенции. Само же освободительное движение было первым непосредственным и сильнодействующим катализатором нашей гражданской и культурной истории. Величайшим результатом освободительного движения было возникновение первого в мире государства рабочих и крестьян и почти 80-летнее существование Советского государства. 1917 год и контрреволюция 1989–1991 годов разделили русскую историю нового времени на три эпохи: досоветскую, советскую и постсоветскую. И если Советская власть, как и положено победителю, активно «переписывала» русскую историю, то теперь, сегодня, тем же занимается заседающая в Кремле власть антисоветская. Значит, нам нужно говорить о трех временах, посмертной жизни идей Белинского: был Белинский дооктябрьской России, потом был советский Белинский; ныне пришло время для постсоветского Белинского.

В Антологии девять неравных по объему разделов. Во вступительном, названном «Интродукция», представлены три документа — текст знаменитого письма В. Г. Белинского Н. В. Гоголю из Зальцбрунна, того самого, который по обстоятельствам русской жизни приобрел характер почти политического манифеста русского освободительного движения, и два письма — ответа Н. В. Гоголя на это послание; одно из них Гоголь не отправлял адресату и только благодаря вниманию поклонников и почитателей таланта Н. В. Гоголя оно было сохранено для потомства. Если письмо В. Г. Белинского стало манифестом для одной части мыслящей России, то в неотправленном письме писателя был дан набросок своеобразного «контрманифеста» другой части России; по словам Н. В. Гоголя, «на всякой стороне есть равно благородные и умные люди». История идей Белинского начиная с 1848 года и по сегодняшний день есть тому подтверждение.

Далее представлены материалы, собственно раскрывающие цель Антологии, как она выражена в ее названии,— о судьбе идей Белинского в нашей стране от времени его кончины до наших дней.

Во втором разделе — «После кончины» — собраны первые свидетельства литераторов о смерти В. Г. Белинского. В них есть ужас-

ные вещи, например: сугубо формальная заметка «Современника» о кончине критика, бывшего все-таки одним из отцов-основателей нового журнала. Не эта ли редакция должна была просто «смиленно преклонить колени» перед разверстой могилой и самым деятельным образом помочь осиротевшей семье Белинского? Но более поражает другое: люди, знавшие Белинского и сочинявшие по слуху его кончины даже прочувственные заметки, совершенно не представляли себе исторического масштаба его личности. Он для них — не более чем рядовой литератор, один из своих же, «добрый и умный страдалец».

Третий раздел Антологии — «Первое издание сочинений В. Г. Белинского. Вторая половина 50-х — первая половина 60-х годов XIX века — документирует новое триумфальное явление Белинского русской общественности. Здесь составитель говорит «новое явление» потому, что в первый раз имя Белинского стало известным всей России в 1834 году, когда в «Молве» появились его «Литературные мечтания». Вдруг почувствовалось, что существуют в России какие-то особенные люди с особым строем мыслей — непривычных, манящих, высоких... Так была обозначена планка нравственных, религиозных, эстетических требований к человеку. Письмо Ивана Аксакова 1856 года известно, но не обратиться к нему нельзя: «Если вам нужно честного человека, ищите таковых в провинции между последователями Белинского».

Но ко второму явлению Белинского времена изменились. Если в 1834 году разночинец (Никодим Надоумко, братья Полевые, Белинский) только прокладывал тропы в русской культуре, изменяя ее ценности, то в пятидесятые-шестидесятые годы, на пике подготовки крестьянской реформы, когда определялись разные — радикальная и либеральная — общественно-политические позиции, разночинец почувствовал себя в культуре увереннее, почти став в ней хозяином¹⁹. У новых властителей дум имя Белинского становится авторитетным.

¹⁹ Вскоре после кончины Н. А. Полевого, уже 28 февраля 1846 г. кн. П. А. Вяземский поделился с потомками такими своими соображениями: «Вообще Полевой имел вредное влияние на литературу: из творений его, вероятно, ни одно не переживает его, а пагубный пример его переживает и, вероятно, надолго. “Библиотека для чтения”, “Отечественные записки” издаются по образу и подобию его. Полевой у нас родоначальник литературных наездников, каких-то кондотьеров, ниспрогнозированных законных литературных властей. Он из первых приучил публику смотреть равнодушно, а иногда и с удовольствием, как, например, в имена Карамзина, Жуковского, Дмитриева, Пушкина. *Белинский — Полевой, обзвевшийся белены*» (курсив мой. — А.Е.). См.: Вяземский П.А. Записные книжки. М., 1992. С. 237.

Оказывается, за годы бутурлинского запрета оно просто копило свою возбуждающую энергию, а К. Т. Солдатенков и Н. М. Щепкин только откликнулись на требования публики. Налетел шквал похвал изда-нию, и начались споры о Белинском.

В этом разделе соседствуют представители двух эпох — тридца-тых-сороковых годов — эпохи слова и философии (И. С. Аксаков, П. А. Вяземский, А. И. Герцен, В. Ф. Одоевский) и пятидесятых-ше-стидесятых — времен дела и науки (Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добро-любов, Г. Е. Благосветов, Д. И. Писарев, В. А. Зайцев). Радикалы отвоевывают Белинского у эстетиков и либералов.

Содержание четвертого раздела центрируется вокруг двух замечательных событий в начавшемся тогда белинсковедении — появления воспоминаний И. С. Тургенева (1869 г.) и первой научной биографии В. Г. Белинского, написанной А. М. Пыпиным (1876 г.). Разумеется, эти два события имели не столько ученово-академиче-ское, сколько общественное значение, о чем и засвидетельствовала полемика на страницах русских журналов того времени. Спорили не просто о преемственности идей Белинского, а о путях развития русской литературы, а то и более и далее — о пути развития России. Обнаруженный Белинским «критический реализм» получает мощную общественную поддержку со стороны народнической интеллигенции и в свою очередь, питает умы и чувства молодых революционеров. Гуманистические идеи Белинского включены в контекст открытой революционной борьбы. Его имя, наряду с именами Чернышевского и Добролюбова, приобретает характер знамени освободительного движения.

Уже само распространение народничества не только как полити-ческого события, но и определенного умонастроения было свидетель-ством того, что русская жизнь подпала под обаяние освободитель-ного движения. Голосов тех, кто выступал против разрушительного процесса революции, не слушали. Общество содрогалось от взрывов на Екатерининском канале, но продолжало сочувствовать революцио-нерам. В России творят великие — Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, В. С. Соловьев, — но простое, ясное, прозрачное «интеллигентское мировоззрение» укореняется в русской жизни: «Духом свободен, хотя и связаны руки, я о спасенье своем никого не молю. Верую в разум, надеюсь на силу науки, и человека,— откуда ль он не был — люблю». К 1898 году общество вполне готово широко, хлебосольно, щедро вспомнить Белинского в пятидесятигодовщину его кончины.

Особым, пятым разделом составитель считал возможным выделить некоторые материалы юбилея 1898 года. Расскажу о нем словами знаменитого Д. Е. Галковского. «Речь шла действительно о культе.

В 1898 году отмечалось 50-летие со дня смерти Белинского. Казалось бы, дата второстепенная. Однако к знаменательному событию вышло 20 книг (!), посвященных Белинскому. В этом году было издано 12 ИЗДАНИЙ его произведений и писем. В газетах и журналах опубликовали 491 статью о его жизни и творчестве. Прошла выставка, посвященная памяти Белинского, а после выставки был издан соответствующий альбом со 114 снимками с разных портретов, гравюр, картин и рукописей. Современник Белинского и литературный критик, уж во всяком случае не меньшего калибра, Иван Васильевич Киреевский, о таком чествовании и думать не мог». И верно. В похвалах Белинскому мало кто кого превзошел; студент Техноложки и студент Духовной академии также любили великого просветителя, как и философ Вл. Соловьев и революционер Синегуб... Оттенки в апологии, конечно же, были, но разве в этом дело?

В связи с почти официальным признанием Белинского в дореволюционной России обратим внимание читателя на забавное замечание советского диссидента и внука Ю.И. Айхенвальда в его рассказе о деде: «В сфере чистых идей он (т. е. Ю.И. Айхенвальд.—*A.E.*) отнюдь не был миротворцем. В дореволюционных энциклопедиях обычно отмечали, что он пытался “развенчать Белинского” и отрицал театр как искусство. Впрочем, за “отрицание Белинского” Юлия Айхенвальда брали еще жандармы. В 1916 году в картотеке Департамента полиции было получено сообщение агента № 42 по имени Зоя, что Айхенвальд в “Силуэтах русских писателей” “принизил личность Белинского”. Жандармы зафиксировали Зоину донесение, поскольку они, как их гимназические или корпусные учителя словесности, уважали Белинского. При царском режиме последствий это для деда не имело. Последствия в виде обязательного официального суждения начались лишь после Октября»²⁰.

Следующий, шестой раздел «В отражениях Серебряного века» предлагает материалы восприятия идей Белинского в последние годы XIX — первых 20–25 лет XX века. Это время получило название «русского духовного ренессанса» — применительно к обозначившимся ведущим тенденциям в области культуры в целом. Изначально они определены символизмом и новым религиозным сознанием. Другая важная составляющая «русского ренессанса» была задана «веховством» — специфическим идеологическим осмыслением русского революционного процесса и революции 1905–1907 годов. Никогда так часто не вспоминалось имя Белинского, как в годы «ренессанса». Поводов и причин для известности было достаточно: юбилеи

²⁰ Айхенвальд Ю. Воспоминания, проза, стихи. М., 2003. С. 301.

1898 и 1911 годов, появление новых изданий Белинского, выход сборника «Вехи» и начавшееся обсуждение его проблем.

Ввиду значительности «антибелинского» выступления Ю. И. Айхенвальда в 1913–1914 годах и возникшей в связи с ним полемикой, ее материалы предложены в отдельном разделе — «Casus Айхенвальда».

Это время восприятия и оценок Белинского очень важно потому, что русская история завершала один из длительнейших этапов своего развития, а общественное сознание обрело новый, постреформенный социальный и культурный опыт. Это сделало возможным более адекватное понимание роли Белинского в нашем развитии, но в 1914 году началась Первая мировая война, а в 1917-м состоялся Октябрь. Эволюционный путь развития России в сторону все большей европеизации был прерван.

Седьмой раздел Антологии — «У истоков советского белинсковедения».

Советские исследования о Белинском разделили судьбу обществоведения в СССР в целом — порой постыдную, порой драматическую и даже трагическую. В его истории различают двадцатые годы XX века, годы тридцатые — пятидесятые и то время, которое началось с конца 50-х — начала 60-х годов. Автор, отмечая достоинства изданных за эти годы исторических и источниковедческих исследований о Белинском, все-таки к советскому белинсковедению en masse относится скорее критически.

Он различает две особенности подхода к Белинскому. Во-первых, советские авторы оценивают творчество Белинского с позиций, четко означенных В. И. Лениным (если речь идет об оценках социальных и политических идей критика), Г. В. Плехановым (еще и в области философских, эстетических и литературно-критических идей) и настойчиво внедряли в сознание читателей образ Белинского-материалиста, атеиста и социалиста, а также безоглядного революционера, борца с крепостничеством, готовым всякий раз апеллировать к гильотине.

Во-вторых, особенностью нашего белинсковедения был скорее специализированный, узкопрофессиональный подход к нему. Белинский — это, прежде всего, специалист — журналист, критик, теоретик критики, литературовед и историк литературы, философ, историк, фольклорист и т. п.— так по полочкам было разложено наследие писателя. О каждой из его ипостасей имеется большая литература, а непременным вступлением к каждому из таких сочинений служили краткие или развернутые соображения о «революционном демократизме» и «социализме» Белинского с обязательными ссылками на В. И. Ленина.

Белинский-гуманист и персоналист, воитель за личность, за ее скончавшее становление в России маячил где-то в критическом отдалении.

Да и зачем он такой был нужен, если в СССР личность уже поднята на необыкновенную высоту?

Поэтому,— мог бы поучить Белинского какой-нибудь работник идеологического фронта,— все завещанное тобой, дорогой Виссарион Григорьевич, уже выполнено ВКП(б) и даже лучше, чем ты мог подумать. Твои внуки и правнуки уже видят Россию в 1940 году — ««стоящую во главе образованного мира, дающего законы и науки и искусства, и принимающую благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества». Чего же еще надобно? И то, наверное, был бы ты у нас членом Политбюро». Будучи совершенно не в силах вырваться за пределы классификации Белинского как революционера и демократа, советские белинсковеды вели между собой бесконечные споры о степени его близости к марксизму и научному социализму²¹.

Имея в виду названные особенности изучения Белинского в советские годы, составитель решил ограничиться выборками из текстов Г. В. Плеханова, В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, А. В. Луначарского, обозначившими идеологические рамки нового белинсковедения. Большой фрагмент из книги П. Н. Сакулина «Русская литература и социализм» (1923) приведен для обозначения главного направления поисков белинсковедов первых советских лет.

Восьмой раздел «В. Г. Белинский в оценках русского зарубежья» представляет собой собрание материалов представителей первой волны (1918–1939) русской эмиграции — от Н. А. Бердяева и В. В. Зеньковского до Д. П. Святополка-Мирского и Б. В. Яковенко. Все они — от ясно обозначивших себя противников Советской власти до сочувствующих ей — предложили два рода суждений о Белинском. В первом случае имя Белинского рассматривается в контексте истории русского освободительного движения. В другом Белинский рассмотрен как критик, социальный мыслитель и философ. Но и здесь не отрицаются огромная социально-культурная и политическая значимость имени критика и его идей. Можно отметить, что все представленные здесь авторы,— за исключением Д. И. Чижевского,— пишут о «неистовом Виссарионе» с очевидной симпатией.

В последнем разделе — «В постсоветской России... Что дальше?» предпринята попытка увидеть наметившуюся тенденцию в толковании Белинского в постсоветской России. У вчерашних марксистов и партийцев коренным образом переменился взгляд на русскую историю. Плюсы сменились минусами и наоборот. Неовеховство торжествует. Антикоммунистический буржуазный исход перестройки, начав

²¹ См. вторую часть книги Е. Ю. Тихорновой «Русские мыслители о В. Г. Белинском (вторая половина XIX — первая половина XX в.)» (М., 2009).

переоценку освободительного движения, начинает переоценку политической значимости фигуры Белинского. Но тучи надвинулись и со стороны культурологов и литературоведов. Литературоцентризм нашей культуры решительно порицался; «народнические» симпатии литературы оцениваются теперь как ее заблуждение. Вместе с этим пересматривается заданная Белинским функция литературной критики. Теперь уже говорят о ее борьбе с литературой, а первым таким борцом, естественно, называется «неистовый Виссарион».

В посмертной истории Белинского легко различимы три большие волны общественного внимания к его идеям. Первая поднялась вместе с началом публикации Н. Г. Чернышевским «Очерков гоголевского периода русской литературы» (1855–1856) и была усиlena интересом к первому изданию полного собрания сочинений критика, предпринятого К. Т. Солдатенковым и Н. М. Щепкиным в 1859–1861 годах. «Очерки» задали рамки восприятия Белинского шестидесятниками — как общественного деятеля и патриота своей родины, а отнюдь не только литературного критика. Это «не только» очень важно. По существу, утверждалось, что Белинский как литературный критик и — вместе с тем — вся критика интересны и важны только в свете общественных процессов. Контрреакция на этот тезис не заставила себя долго ждать (В. Г. Авсеенко, А. В. Дружинин, К. А. Полевой, М. Н. Погодин и др.).

Вторая волна интереса к Белинскому выпадает на конец шестидесятых и на середину семидесятых годов. В содержательном отношении выступления второй волны можно рассматривать как продолжение и углубление мотивов, руководивших авторами первой волны. Но значительно резче расставляются акценты... Определенно, интеллигентский лагерь (потом их назовут революционными демократами) сложился и уже проявил себя как организованное движение. Вполне различимой стала граница между ним и другими... Осознается их мировоззренческая противоположность, но и — а главное это — политическая. У Белинского обнаруживается достойный великий противник — Федор Михайлович Достоевский. От него, от Достоевского, пришла к нам «смрадная букашка Белинский» и «бил по щекам мать свою, Россию» и «Белинским дело не кончилось», а «пошло в Нечаева и Серно-Соловьевича» и т. д. и т. п.

Что радикальная интеллигенция отвоевала для себя Белинского, великолепно обнаружилось на чествованиях его памяти в 1898 году.

Третья волна обсуждений пришла на конец XIX — первые два десятилетия XX века. К этому времени самым существенным образом изменились социально-экономические условия русской жизни (в Россию пришел «чумазый»), модернизировалась система образо-

вания (университетские реформы шестидесятых годов), наконец, пришло что-то новое в культуру вообще — появились декаденты и символисты, зазвучали требования «нового религиозного сознания» — начинался «русский духовный ренессанс». Его деятели, утверждая новые ценности, критически взглянули на «наследство», а одной из главных их мишней стал Белинский-теоретик «критического реализма» и создатель социально-ориентированной публицистической критики.

Тогда же обнаружилось, что самая социально-экономическая и социально-политическая жизнь России стала крайне опасной. В ней явно обозначился «суровый апокалиптический ритм». Последепетровская Россия стремительно придвигалась к трагедии 1917–1921 годов.

Великим документом начала XX века стали «Вехи» — сборник статей о русской интеллигенции (1909). Он назвал русское революционное движение основным событием отечественной истории XIX века; сборник нашел, что оно «противоречит естеству человеческого духа, и практически бесплодно», напротив, подводя общество к социальной катастрофе. Главным агентом революционного движения они назвали интеллигенцию определенного душевно-духовного склада, до неразличимости близкого к социологической группе разnochинца, указав при этом на Белинского как на ее духовного отца.

Так «неистовый Виссарион» попал под перекрестный огонь двух критик — культурно-мировоззренческой направленности (выступления А. Л. Волынского в «Северном вестнике» и др.) и направленности политическо-мировоззренческой («Вехи»), которые слились у Ю. И. Айхенвальда. Вместе с новой, негативной оценкой мировоззрения революционной интеллигенции была поставлена под сомнение репутация Белинского как прогрессиста и представителя освободительного движения, а также его репутация как безупречного литературного критика.

Но спор о Белинском не был завершен. Русская революция оказалась сильнее русской контрреволюции. Мировая война обнаружила гнилость самодержавно-бюрократического государственного строя. В февральско-октябрьском 1917 году империя рухнула. К власти пришли русские якобинцы-большевики — наиболее радикальная часть интеллигенции, опиравшаяся на широкую поддержку простого люда России.

Новая власть предприняла радикальный пересмотр отечественной истории. Игнорировав опыт «ренессанса», она возвратила течение русской культуры в русло просвещенства с его материализмом, рациональностью, атеизмом и социальными задачами для художника. В азарте самоутверждения она искусственно завышала общекуль-

турное значение идей и фигур освободительного движения. К концу тридцатых годов XX века Белинский стал таким, каким мы его знали при Советской власти — революционным демократом и социалистом, материалистом и атеистом, основоположником русской литературной критики XIX века.

Против стереотипов

Революционный демократ и социалист. Репутация выдающегося представителя освободительного движения в России прочно закрепилась за Белинским — равно у его друзей и противников. Советские исследователи, считавшие большевиков-ленинцев законными восприемниками русского революционного процесса, стали именовать Белинского так, как называл его В. И. Ленин — «предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в русском освободительном движении» и даже «предшественником социал-демократии». Для обозначения этого статуса они нашли у В.И. Ленина еще одно определение «революционный демократ» и накрепко привязали его к Белинскому.

Но еще в 1913–1914 годах критик-импрессионист Ю.И. Айхенвальд, возмущенный русской привычкой оценивать литературу по ее социальной полезности — а Белинского, уверял критик, и ценят-то лишь по этой причине, — стал писать о «сомнительном либерализме» Белинского и даже его консерватизме. Ю.И. Айхенвальд так и написал: «Казалось бы, ни в чем так не постоянен знаменитый критик, ни в чем он так не верен самому себе, как в своих политических воззрениях: единая яркая нить консерватизма проходит и через то, что он писал в 1831 году, и через то, что он писал в 1834 году, и через то, что он писал в 1837, 1839, 1843, 1846, 1848 годах»²².

Подтверждение тезиса о Белинском как «либерале весьма сомнительного свойства» Ю.И. Айхенвальд дает свою версию «Дмитрия Калинина» («...центр идейной тяжести в “Дмитрии Калинине” находится вовсе не в гражданском протесте. Средоточием пьесы является кровосмешение»), называет Белинского «Литературных мечтаний» «рапсодом православия, самодержавия, народности», ставит на ту же полку статьи «примирительного» периода, сочиняет, будто бы в знаменитом письме к Гоголю критик требует не отмены телесных наказаний, а всего лишь «ослабления» их, говорит о грубой ругани Белинского по адресу «хохлацкого радикала» Шевченко, сосланного в солдаты, об обращенных к Николаю I словах «венценосный монарх»

²² Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. М., 1995. С. 565.

и, наконец, о рецензии на «Сельское чтение», где похвала ему просто безмерна: «В отношении к внутреннему развитию России, настоящее царствование, без всякого сомнения, есть самое замечательное после царствования Петра Великого. Только в наше время правительство проникло во все стороны многосложной машины своего огромного государства, во все убежища и изгибы ее, прежде ускользавшие от его внимания, и сделало ощутительным благотворное влияние свое во всех стихиях народной жизни. Общественное благоустройство, не в одном административном, но и в нравственном смысле этого слова, составляет предмет его особенных попечений. Старые основы общественной жизни, которые уже заржавели от времени и могли бы только затормозить колеса великой государственной машины и остановить ее движение вперед, мудро отстраняются мало-помалу, без всякого сотрясения в общественном организме. Обращаю особое внимание на положение и быт народа, и сделаны попытки, обещающие прекрасные результаты на его, так сказать, воспитание. Вот истинное продолжение великого дела Петра!»²³ Между тем читатель мог заметить, что цензурное разрешение на эту рецензию было дано в декабре 1847 года, спустя несколько месяцев после изнурительной работы над «Письмом Гоголю».

Так в биографии Белинского Айхенвальд прочертил прямую консервативную линию от «Дмитрия Калинина» до первого номера «Современника».

Изумленные оппоненты ничего не могли возразить въедливому критику; но ведь и оспаривать его аргументы было невозможно — факт, он и есть факт.

Сегодня, когда почти каждому интеллигентному читателю хочется разоблачить советский период нашей истории и русское революционное движение, аргументы Айхенвальда непременно произведут нужное впечатление. Хотелось бы напомнить, что Ю. И. Айхенвальд, увлекаясь «разоблачениями» Белинского, не принял во внимание столь же бесспорные свидетельства его либерализма и революционеризма.

Верно, жизнь Белинского, до его переезда в Петербург (осень 1839 г.), с уже вычисленными шеллинговым, фихтеевским и гегелевским периодами умственного развития, проходит либо в индифферентном отношении к социально-экономическим и политическим реалиям России, иногда — в сознательном отстранении от них, и, наконец, даже в их апологетике. Но именно это время дает возможность правильного решения вопроса о так называемом консерватизме Белинского.

²³ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. X. С. 366.

Нельзя отрицать, что Белинский был идеалистом — и философским идеалистом, и по складу души: он верил, что человечество ведомо идеалами и что жизнь в соответствии с идеалами есть идеальная жизнь. Уже только на этом уровне отношения к действительности Белинский должен быть, обязан быть оппозиционен к ней, латентно и постоянно быть либералом: «...с действительностью мы в ссоре и по праву ненавидим и презираем ее, как и она по праву ненавидит и презирает нас. Где же убежище нам?»²⁴

В нашем случае проясняются два соображения. Во-первых, оппозиционное, критическое отношение к действительности имеют различные ступени — от нравственного суда над действительностью до замены оружия критики на критику оружием. Во-вторых, очень часто оппозиционность — даже в развитой форме «интеллигентского» протеста — не исключает законопослушания²⁵.

У Белинского, начиная со времени переезда в Петербург и отказа от гегелевского абсолюта, начался новый этап его идеальной эволюции, завершившийся у него социальным реализмом. Теперь он проклинает свое «гнусное стремление к примирению с гнусной действительностью», он «ожесточен», против всех «субстанциальных начал», давлеющих личности, и считает, что «человеческая личность выше истории, выше общества, выше человечества». Если в феврале 1840 года у Белинского «все наши либералы ужасные подлецы», то в декабре он сообщает Боткину нечто противоположное: «...отныне для меня либерал и человек — одно и то же», а «идея либерализма в высшей степени разумная и христианская, ибо ее задача — возвращение прав личного человека, восстановление личного достоинства...»²⁶.

Отказ от Абсолюта в пользу личности начинает новую жизнь творчества Белинского, которая все более и более приобретает общественное звучание. А. М. Пыпин, первый биограф критика, откомментировал этот факт следующим образом: «Он остается идеалистом — потому, что был им по природе,— но его идеализм перестал быть отвлеченным и, покидая область полуфантastических мечтаний о полноте “абсолютной жизни”, находит более серьезные задачи в действительном мире, в обществе»²⁷.

²⁴ Там же. Т. XI. С. 527.

²⁵ В. В. Зеньковский заметил интересное: «Если бы составить специальную хрестоматию с цитатами о “священном” значении царской власти у русских мыслителей, то Белинскому, по яркости и глубине его мыслей в этом вопросе, надо было бы отвести одно из главных мест» (Зеньковский В. В. История русской философии. Париж, 1989. Т. 1. С. 273).

²⁶ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. X. С. 577.

²⁷ Пыпин А. Н. Белинский. Его жизнь и переписка. СПб., 1908. С. 384.

В сентябре 1841 года, уже отказавшись от «немцев» и примирившись с «французами», он обнаруживает у себя «новую крайность» — идею социализма. Изображенный им социализм достоин изумления: «не будет бессмысленных форм и обрядов», «не будет договоров и условий», «долга и обязанностей», не будет мужей и жен, а будут любовники и любовницы, наконец, «не будет богатых, не будет бедных, ни царей и подданных, но будут братья, будут люди, и, по глаголу апостола Павла, Христос сдает свою власть Отцу, а Отец-Разум снова воцарится, но уже в новом небе и над новою землею»²⁸. Легко увидеть, что «социализм» Белинского сформирован по каким-то сложным религиозно-гуманистическим и этическим меркам, далеким даже от той степени его социально-экономической проработанности, которая была свойственна первым утопическим социалистам Европы. Показательно, что здесь же, в этом же письме «социализм» поясняется Белинским как «социальность», т. е. такое состояние человеческого поведения, когда оно, отрешившись от эгоизма, придет в гармонию с обществом. «Золотой век», гарантированный «разумным сознанием и воспитанием в социальности», непременно придет, а вслед за «нравственным улучшением должно возникнуть и физическое улучшение человека».

Соединив означенные Белинским две грани его социализма, мы, пожалуй, могли бы назвать его эклектическим производным от «французов» и «немцев» — гегелианизированным христианством или христианизированным гегельянством.

Наступление такого социализма мыслится Белинским не апокалиптически, независимо от людей, а благодаря человеческим усилиям. «Смешно и думать,— пишет Белинский,— что это (т. е. мыслимый золотой век.— А.Е.) может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови.

Люди так глупы, что их насилию надо вести к счастью. Да и что кровь тысячей в сравнении с уничижением и страданием миллионов»²⁹. Дальше становится ясно, что «насильственный переворот» — это революция. Белинский в это время читает «Историю французской революции» Л. Пьера и находит, что «лучшего люди ничего не сделают».

В апреле следующего 1842 года он подтверждает свою революционную позицию: «Дело ясно, что Робеспьер был не ограниченный человек, не интриган, не злодей, не ритор, и что тысячелетнее царство Божие утвердится на земле не сладеньками и восторженными фразами

²⁸ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. XII. С. 71.

²⁹ Там же.

идеальной и прекраснодушной Жиронды, а террористами — обоюдо-острым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов»³⁰.

Затем огонь революционеризма угасает. Но вера в социальность остается и вдохновляет Белинского. По-гегелевски он ждет становления идеального человечества... пока еще только в рецензии на книгу Ф. Лоренца «Руководство ко всеобщей истории», Н. Маркевича «История Малороссии», в статье о романе Эжена Сю «Парижские тайны». Если даже мы увидим в социализме-социальности только гегелевски-христианский идеал, осуществляемой в истории, то ведь мы не откажем критику в свободолюбии и либерализме, в чем ему отказал Ю. И. Айхенвальд.

А ведь Айхенвальд не напомнил еще и его «дикой, бешеной, фантастической любви к свободе и независимости личности», к обществу, основанному «на правде и доблести», о «кровавой любви Марата к свободе», о похвалах «матери — святой гильотине» и о том, что «мы должны пройти через террор».

Где же все-таки сплошная линия консерватизма, которую прочертил Айхенвальд? Нет, «либерализм» Белинского, т. е. его социализм и революционность — по крайней мере на годы 1841–1842-е, совершенно несомненен, как несомненен прогрессизм, а не консерватизм нескольких последующих лет! Что касается 1846–1848 годов, то еще в советское в семидесятых годах прошла о них дискуссия, вызванная статьей Б. Ф. Егорова в журнале «Вопросы литературы»³¹.

В ней автор говорил о начавшемся у Белинского трезво-реалистическом подходе к русской действительности и отказе от утопических проектов, ранее им разделяемых и принимаемых. Теперь у критика упоминание имен французских социалистов сопровождается язвительностью, иронией, а подчас грубой руганью. Они для него — «насекомые, вылупившиеся из навозу, которым завален задний двор гения Руссо»³². Ему претит невнимание социалистов к объективному движению истории: разделение на классы было благодетельным, а социалисты почитают буржуазию врагом человечества еще до сотворения мира.

Напротив, Белинский увидел в буржуа — при всем его возможном негодяйстве — знак прогрессивного движения истории. Он ощущал историческую необходимость буржуазии, принял ее и стал рассматривать отношения буржуазии и народа, различать буржуазию

³⁰ Там же. С. 105.

³¹ См.: Егоров Б.Ф. Перспективы, открытые временем. Изучение революционно-демократической критики сегодня // Вопросы литературы. 1973. № 3.

³² Там же. С. 323.

среднюю и крупную, идущую к политическому господству или уже добившуюся его. Теперь он уверен, что без нее прогресс невозможен; и в России он начнется не прежде, чем наши дворяне обратятся в буржуа. Г. В. Плеханов очень высоко оценил соображения Белинского, увидев в них движение к научному пониманию истории.

Документами реалистического отношения к русским вопросам стали знаменитое письмо к Гоголю (июль 1847 г.) с трезвой постановкой конкретных задач, решение которых даст первоначальный импульс к развитию страны, ряд писем 1847–1848 годов, в которых он сочувственно отслеживает правительственные мероприятия по освобождению крестьян и, наконец, рецензия на «Сельское чтение». То документы одного ряда, решающие двуединую задачу — с одной стороны, предупреждения об опасности недооценки ситуации, с другой — указания на ближайшие рубежи, достижение которых даст первый импульс к развитию страны. Не очень надейтесь на братский союз помещиков и крестьян, не очень надейтесь на молебны и религиозность народа. «Крестьяне сильно возбуждены, спят и видят освобождение»³³. Нужны энергичные действия со стороны царя и правительства: отмена крепостного права, отмена телесных наказаний, повсеместное соблюдение законности — хотя бы той, что существует на сегодня. Иначе — быть беде: «Оно и понятно: когда масса спит, делайте, что хотите, все будет по вашему; но когда она проснется — не дремлите сами. А то быть худу»; крестьянский вопрос «решится сам собою, другим образом, в 1000 раз более неприятным для русского дворянства»³⁴.

Угадать характер возможной политической эволюции Белинского трудно. Мнения исследователей разделились: одни считают новую позицию движением «направо»; другие, вместе с Г. В. Плехановым, увидели здесь «начало критики примитивных форм революционности и социализма с позиций революционности и социализма какого-то более высокого порядка»³⁵. Составитель скорее склонен принять «либеральную» версию перспектив политического движения великого просветителя.

Белинский не был ни революционным демократом, ни консерватором. Время его творчества (1834–1848 гг.) не позволяет оценивать деятельность критика в рамках социально-политических категорий. Для Белинского более подходят категории культурологии;

³³ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. XII. Письма. 1841–1848. М., 1956. С. 439.

³⁴ Там же. С. 439, 438.

³⁵ Плимак Е.Г. К спору о политической позиции «позднего» Белинского // История СССР. 1983. № 2. С. 44.

его позиция — это позиция просветителя. Его идеал «был свойства весьма определенного и однородного, хотя именовался и именуется доселе различно: наукой, прогрессом, гуманностью, цивилизацией — Западом, наконец»³⁶. Он был убежден, что для развития собственных сил России нужно осваивать эти ценности. Его героем был Петр Великий.

Но почему просветитель Белинский попал в «красный» стан? Только по одной причине — его идеалы не были действительно затребованы теми силами, которые управляли Россией. Вот и вся разгадка. Слава Белинского не ему принадлежит — замечал князь П. А. Вяземский.

Белинский — материалист. Таково еще одно, привычное для советских исследователей восприятие Белинского. Поскольку разделение всей философии на материалистическую и идеалистическую с легкой руки Ф. Энгельса и благодаря позиции В. И. Ленина стало догматом советской историко-философской науки, поскольку материализм обязательно увязывался с прогрессивными классами, то и прогрессивные деятели обязаны были быть материалистами, если не хотели свалиться в какое-то противоречие. Что касается Белинского, то в одной из советских книг можно было прочитать, что за шеллингианством, фихтеанством и гегельянством Белинского «скрывается, по существу, материалистическое содержание его мировоззрения»³⁷. Столь крайнее утверждение было, пожалуй, единственным; большинство исследователей учитывали идейную эволюцию критика и говорили о материализме и атеизме только последних лет его жизни начиная с 1841 года.

Все первые стадии философского развития Белинского — от шеллингианства к гегельянству — хорошо представлены в исследовательской литературе. Не они легли основанием для заключительного определения философской позиции Белинского, и касаться их в нашей статье не нужно.

Будем иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, следует согласиться с мнением В. Ф. Одоевского о самобытном природном философском даровании Белинского. Оно — грубое, методологически невоспитанное. Создается впечатление, что массив европейской мыслительности Белинский обрабатывает каким-то острым, но грубым инструментом, а в результате получается *его* шеллингианство и *его* гегельянство, мало чем напоминающие свои прототипы. При этом из массива европейских мыслей он вырубает не столько ответ, сколько

³⁶ Тургенев И. С. Воспоминания о Белинском // В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., 1977. С. 499.

³⁷ Дьяков И. Я. Мировоззрение В. Г. Белинского. М., 1962. С. 77.

новую проблему. «Если бы мне и удалось влезть на верхнюю ступень лествицы развития...» — каким мощным веянием прошли эти слова Белинского в русской мысли... Во-вторых, как раз в силу такой самобытности его философское движение шло теми же путями, какими шла русская философия 30–40-х годов XIX века, повторившая, в свою очередь, ход европейской мысли — от немецкого идеализма к натурализму, позитивизму и даже вульгарному материализму. Посредствующим преходящим звеном этого процесса была философия Л. Фейербаха. То же мы видим у Белинского. Комплекс шеллинговских идей руководит им в начале творческого пути. В конце его мы видим идеи фейербаховские, может быть, еще не утвердившиеся вполне, но заметно потеснившие гегелевские идеи. Этот момент его развития и стал основанием для определения его последней философской позиции.

Итак, в письме В. П. Боткину от 1 марта 1841 года он сообщает, что давно подозревал, что философия Гегеля — только «момент», хотя и «великий», в истории мысли. Его подозрения постепенно превратились в убеждение, а в этом превращении большую роль сыграл Л. Фейербах, мода на которого началась в России с 1842 года. Тогда в марте Боткин сообщил Белинскому, что немец «называет теологию антропологией». В июне при посредстве Н. П. Огарева он знакомится с «Сущностью христианства». Она, эта книжка, вспоминал П. В. Анненков, «находилась тогда во всех руках» и добавил в примечании: «Для Белинского собственно был сделан в Петербурге одним из приятелей перевод нескольких глав и важнейших мест из книги Фейербаха.— И он мог, так сказать, осязательно познакомиться с процессом критики, опрокидывающей его старые мистические и философские идолы... Белинский был поражен и оглушен до того, что остался совершенно нем перед нею и потерял способность предъявлять какие-либо вопросы от себя, чем всегда так отличался»³⁸.

Такой эффект стал возможен потому, что у Фейербаха Белинский почувствовал что-то сходное со своим собственным путем от субстанциальной философии Гегеля к конкретному человеку, который сам выстраивает мировую гармонию, к социализму-социальности, к «религии человечества» с ее ожиданием нового воцарения Отца-Разума. Смысл собственных размышлений в сентябре 1841 года, возможно, становится для него более ясным в свете четкого заявления Фейербаха, что содержание и предмет религии совершенно человеческие и что тайну божественной сущности составляет человек.

³⁸ Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 250.

Развитие идей у Белинского теперь идет теми же путями, как оно представлено у Фейербаха. Вполне по-фейербаховски наполняя понятие Бога человеческим содержанием, зная что Абсолют Гегеля — это лишь псевдоним Бога, Белинский готов заместить их идеей человечества как идеальной личности, как это сделано, например, в рецензии на книгу Ф. Лоренца. Такое замещение стало возможным потому, что — как объяснил Л. Фейербах — «Бог есть понятие рода как индивида, понятие или сущность рода; он как всеобщая сущность... есть в то же время существо отдельное...»³⁹. Позиция В.Г. Белинского может быть охарактеризована как диалектический социальный идеализм с центральной для него идеей отрицания. Субъектом в таком мировоззрении выступает родовое сознание человечества, социальная субстанция, саморазвертывающаяся в истории через развитие личностей — национальностей. Наконец, третьим моментом в развитии мышления В. Г. Белинского было усвоение собственно антропологических мотивов в пределах идеалистической концепции человечества и личности. В «Сочинениях Державина» В. Г. Белинский упрекает и материалистов, и идеалистов в односторонности в подходе к человеку, говорит о трудности понимания того, где в человеке «оканчивается тело и начинается душа, где конец чувства и начало ума»⁴⁰ и т. д. Акцент на цельности, нераздельности сторон в человеке хорошо подтверждался практикой литературно-критической работы великого просветителя, тонко чувствовавшего эмоциональную природу искусства: «Чувство... есть действительность разума, как тело есть реальность души: без чувства идеи холодны, светят, а не греют, лишены жизненности и энергии перейти в дело»⁴¹. Так фейербаховская апология чувственности в познании находит себе аналог у В. Г. Белинского. Параллельно и в согласии со своим понятием личности как представителя человечества — идеальной личности В. Г. Белинский говорит о географических, климатических и исторических влияниях на образование субстанции народа, находя все же ее главной основой физиологическую, составляющую «непроницаемую тайну непосредственно творящей природы»⁴². Нередко он говорит о теле и душе человечества, подчеркивая их неразрывное единство. Такие мотивы прослеживаются в рецензиях на книги Ф. Лоренца, С. Смаградова, А. Постельса. По своему философскому статусу такие

³⁹ Фейербах Л. Избранные философские произведения. М., 1955. Т. 2. С. 60.

⁴⁰ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1954. Т. VI. С. 587.

⁴¹ Там же. С. 473.

⁴² Там же. Т. V. С. 638.

мотивы представляют собой некоторое образование из реминисценций Шеллинга, фейербаховского антропологизма и натурализма в духе естественно-научного материализма Э. Литтре. Последнее особенной выпуклости достигло в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года». Пафос этой статьи, построенной как полемика со славянофилами, с одной стороны, и В. Майковым с другой, состоит в утверждении диалектического единства личности — нации — человечества: «Что личность в отношении к идее человека, то народность в отношении к идее человечества»⁴³. В поисках тайны личности В. Г. Белинский обращается к тому особенному в ней, «чего не умеют ни определить, ни назвать», к особому для каждого сцеплению, соединению в человеке духовного и телесного. «Ум без плоти,— пишет он,— без физиономии, ум, не действующий на кровь и не принимающий на себя ее действия,— есть логическая мечта, мертвый абстракт. Ум — это человек в теле, или, лучше сказать, человек через тело, словом, личность». И далее В. Г. Белинский пишет: «Оттого на свете столько умов, сколько людей, и только у человечества один ум»⁴⁴. Вот в таком контексте звучит тезис о психофизическом единстве человека, и он соседствует с социальным идеализмом и не исключается им: один ум у человечества, а реализуется он в жизни народов и отдельного человека. Только в людях, только в их натуре заключается источник всякого движения вперед, равно как и уклонений от истины.

Подлинным философским шедевром В. Г. Белинского стало его письмо В. П. Боткину от 17 февраля 1847 года, где дана критическая оценка взгляям Огюста Конта. В этом письме В. Г. Белинский, подтвердив принцип психофизического единства, далеко перешагивает его рамки. Он с похвалой отзыается о попытках О. Конта подсмотреть в деятельности ума деятельность мозга. Конечно, ему по душе антиметафизичность этого «замечательного человека»... Долой метафизику: она означает сверхнатуральное и, следовательно, нелепость! Не будем забывать, что корни духа — в земле, в физическом, но логика (философия), значащая по своей этимологии «мысль» и «слово», должна идти своею дорогою... Можно, конечно, поставить на место «абсолютной идеи» «закон природы», но далее утверждения тождества физической и духовной природы человека дело не подвинется. И что? Должно же отличать логику, мысль и слово от физической природы, даже понимая, что корень этого цветка в «деятельности физического». Нужна новая философия,

⁴³ Там же. Т. X. С. 28–29.

⁴⁴ Там же.

которая оторвется от «фантастического и мистического» и убережет нас от признания натуралистического тождества.

Не Конт это сделает: «исключительно доступная ему сфера знания есть математические и естественные науки» с физиологией и френологией в авангарде. Но нужно понять: наука — это наука; она свободна от трансцендентализма и теологии. Не здесь, не в науке нужно искать разгадку мысли, ее природы, а в других областях — собственно в философии и истории.

Но все-таки итог философского развития критика не очень определен. Конечно, здесь, в этом итоге имеется антропологизм, идущий и от художественного реализма Белинского, и от Фейербаха, есть очевидное уважение к естествознанию и той помощи, которую оно оказывает философии, и наконец, понимание близости умственной революции.

Невозможно не оценить этого мощного порыва Белинского к истине, В нем ощущается необходимость социального реализма, внимания к истории. В свою очередь это позволяло Белинскому обнаруживать продуктивную технологию социального прогресса (понимание реальной исторической роли буржуазии, одобрение правительственные мер по совершенствованию социального бытия России, требование соблюдения закона), а в области литературной критики — выдвигать принципы «натуральной школы», имеющей целью показывать жизнь, как она есть, и бичевать социальные пороки. Предметом его внимания теперь становится не идеальная личность, а конкретный человек как представитель реального человечества. Его логика, его мысль и слово уходят в физические глубины, но сам он как носитель психофизического единства просветляется деятельностью людей («Социальность, социальность или смерть! — вот девиз мой!») до состояния идеальной личности человечества как единого человека.

При чтении статей и писем Белинского почти физически ощущаешь настойчивость и неоднократность его рывков к новой теории и так же явственно — каменное действие общей отсталости русской жизни времен «Великого тормоза», отсутствие в ней социально-политического действия достаточно зрелого, чтобы могла возникнуть философия, адекватная сложности человеческого бытия.

Такой итог едва ли возможно заявить в качестве «материализма», как это делали в Советском Союзе, или даже «натурализма», как это есть у В. В. Зеньковского. Поиск не оставлял мысль Белинского никогда; напав на мысль о мысли, он стал двигаться к чему-то серьезному и многое обещающему. О нем, пожалуй, с некоторыми поправками, можно сказать то же, что он сказал о Конте: «Он реактор,

а не зиждитель, он зарница, предвестница бури, а не буря, он одно из тревожных явлений, предсказывающих близость умственной революции, но не революция»⁴⁵. Да, Конт — такой; к тому же он уже сделал свое дело. Иное дело — Белинский. Он мог бы стать началом революции...

Но не таким путем пошло развитие русской мысли. Антропологический импульс, сообщенный ей Л. Фейербахом, почти единодушно воспринятый западниками (и в их числе Белинским), оказал свое антифилософское действие на новое поколение нашей интеллигенции — на шестидесятников, людей дела, а не слова, как они позиционировали себя в отношении к сороковым годам.

Белинский — атеист. В 1928 году появилась хорошая книга И. П. Вороницына «Белинский и религия». Автор внимательно всматривался в духовный опыт критика и показал нечто очень важное для нового идеологического общества, что с осени 1841 года он уже «не отклонялся от атеизма». После этого мир религиозных переживаний Белинского надолго выпал из поля зрения советских ученых. Что-то свежее в исследовании этого вопроса появилось только в 1973 году, когда А. И. Володин указал, что и в качестве атеиста Белинский трепетно относился к Сыну Божьему, сохранив Иисуса Христа в своей социальной философии⁴⁶.

Если мы замеряем Белинского по последним, достигнутым им результатам, как делали это при оценке его политической или философской позиции, то мы должны согласиться с клише «атеиста», наложенным на него советской наукой и идеологией.

Но важна не истина клише, а понимание особого качества психологии В. Г. Белинского, о чем написал П. Н. Сакулин в одной из своих статей: «Белинский — натура этическая, религиозная в высшей степени: жизнь есть для него религиозный акт, который немыслим без философской руководящей идеи, без глубокой веры в высшее начало бытия»⁴⁷. Понятно, что П. Н. Сакулин толкует «религию» в духе своего времени расширительно, но очевидно, и такое толкование оправдано, если помогает понять нашего героя, оказавшего столь мощное влияние на русское общество и русскую литературу.

Пожалуй, можно говорить о четырех различных в разное время подходах Белинского к религиозным вопросам: бытовом, философском, экзистенциальном и социально-христианском.

⁴⁵ Там же. Т. XII. С. 332.

⁴⁶ Володин А.И. «Да здравствует разум и отрицание!» // Наука и религия. 1973. № 3.

⁴⁷ Сакулин П.Н. Психология Белинского // Голос минувшего. 1914. № 4. С. 99.

Изначально православие было фактом быта мальчика и юноши Белинского. Подобно многим, он, вероятнее всего, нисколько не получил религиозного образования, принимая религиозную сторону жизни как некую привычную и навязчивую данность, как это видно по его первым студенческим письмам: маменька советует ему посещать московские церкви, на что сын довольно развязно отвечает: «Вы хотите сделать из меня благочестивого странствующего пилигрима и заставить меня предпринять благопохвальное путешествие по московским церквам, которым и счета нет. Шататься по оным некогда...»⁴⁸ Одним из способов уклониться от быта религиозной жизни стало общеизвестное оправдание, преподанное юным Белинским своей маменьке: «Вы молитесь Богу, оказываете самое ревностное усердие к религии: но религия не в постах и молитвах; она в душе, в сердце, в делах человека»⁴⁹.

Быть может, первое побуждение к серьезному восприятию религиозной реальности он получил при сочинении трагедии «Дмитрий Калинин»; в ней безусловно присутствует тема теодицеи.

Другая эпоха в отношениях с религией наступает для Белинского со времени его участия в кружке Станкевича. Характерное для кружка представление о религии хорошо изображено у М. О. Гершензона. Для друзей Станкевича религия — это «прежде всего, радостное утверждение мира. В ней одной все диссонансы, разрешаются в гармонию, через нее душа примиряется с Божеством, благодаря ей жизнь снова одевается в радужные ткани, становится прекрасною и высокою. Мир есть стройное целое, одушевленное разумом, и человек — частичка этого гармонического целого; ощущать эту разумную стройность мирового порядка и свою принадлежность к ней — неискоренимая потребность человеческого духа, и это достигается через религию, ибо она одна в состоянии перешагнуть бездну, которая всегда остается между бесконечностью и человеком и которой не может наполнить никакое знание, никакая система»⁵⁰.

Такое настроение легко обнаруживается в «Литературных мечтаниях». Теперь, пожалуй, можно утверждать, что Белинский потому христианин, что он философ. В знаменитом письме Д. Иванову от 7 августа 1837 года он декларирует: «Германия — вот Иерусалим новейшего человечества... вот откуда снова придет Христос, но уже не гонимый, не покрытый язвами мучения, не в венце мученичества,

⁴⁸ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. XI. Письма. 1829–1840 г. М., 1956. С. 35.

⁴⁹ Там же. С. 88.

⁵⁰ Гершензон М. О. Избранное. Т. 2. Молодая Россия. М.; Иерусалим, 2000. С. 67.

но в лучах славы. Доселе христианство было истиною в сознании, словом, было верою; теперь оно должно быть истиной в сознании — философию. Да, философия немцев есть ясное и отчетливое, как математика, развитие и объяснение христианского учения как учения основанного на идее любви и идее возвышения человека до божества, путем сознания»⁵¹.

Рассматривая вместе «Литературные мечтания» и целый ряд рецензий на книги религиозного содержания, понимаешь, что для самого автора философско-поэтическое восприятие Творца совмещается с осознанием своей конфессиональной православной принадлежности.

Доказывать это не нужно. Правильность этого давным-давно доказана статьей М. П. Погодина «К характеристике Белинского (справка с объяснениями)», одобренной Ф. М. Достоевским и напечатанной в «Гражданине» в 1878 году. Вся она состоит из цитат Белинского, которые свидетельствуют об их авторе как примерном православном человеке. В частности, в религиозном сознании Белинского находит себе место оправдание обрядовой стороны христианства; например, в тех же «Литературных мечтаниях»⁵² или в рецензии на книгу А. Н. Муравьева «Письма о богослужении восточной кафолической церкви».

Но тогда же, в годы романтически-воодушевленного отношения к бытию, представление Белинского о Боге далеко от таких же представлений рядового русского верующего. У Белинского, как и позднее у деятелей русского религиозного ренессанса, Бог, это любовь и истина. «...Он во всяком благородном порыве человека, во всякой светлой его мысли, во всяком святом движении его сердца. Мир, или вселенная, есть его храм, а душа и сердце человека, или, лучше сказать, внутреннее Я человека, есть его алтарь, престол, святая святых. Итак, ищи Бога не в храмах, созданных людьми, но ищи в сердце своем, ищи его в любви своей»⁵³. Поневоле вспоминается Н. А. Бердяев и его утверждение: «Бог присутствует в свободе и любви, в истине, правде и красоте» или Д. С. Мережковский: «Церковь не в бревнах, а в ребрах».

В соответствии с эволюцией философских представлений Белинского эволюционируют контуры его философской религии. Во время увлечения философией Гегеля он видит цель христианской религии

⁵¹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. XI. Письма 1829–1840. М., 1956. С. 152.

⁵² Здесь, напр., он пишет: «Невозможно представить себе народа без религиозных понятий, облеченных в формы богослужения» (Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 1. С. 35).

⁵³ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. XI. Письма 1829–1840. М., 1956. С. 145.

в «возведении личности до общего, возвышении субъекта до субстанции» и уважает философию, которая «не отрицает мистических верований сердца, но разумом оправдывает их»⁵⁴. Воля Божия для него — это «предопределение Востока, fatum древних, провидение христианства, необходимость философии, наконец, действительность»⁵⁵, и он не без надежды говорит в минуты слабости: «Так, видно, Богу угодно...»⁵⁶.

Он смиленно заявляет: «Я солдат у Бога: он командует, я марширую. У меня есть свои желания, свои стремления, которых он не хочет удовлетворить, как не кажутся они мне законными; я ропщу, клянусь, что не буду его слушаться, а между тем слушаюсь, и часто не понимаю, как все это делается»⁵⁷.

Отказ от подданства у гегелевского абсолюта означил для Белинского движение к новому восприятию христианства — прежде всего, как звену социальной реальности; Белинский начинает различать христианство и церковь, церковь и Иисуса Христа.

Но прежде чем пойти в этом направлении, Белинский переживает христианство в себе, пробуя его для ответов о смерти и бессмертии: смерть Л. М. Бакуниной, а несколько позже Н. В. Станкевича заставляет его думать о предпочтении пietизма, нежели пантеистических построений о бессмертии: «Для меня — Евангелие — абсолютная истина, а бессмертие индивидуального духа есть основной его камень. Временем тяжко верится —

С души как бремя скатится
Сомненье далеко
И верится, и плачется
И так легко, легко.

Да, надо читать чаще Евангелие — только от него и можно ожидать полного утешения. Но об этом или все или ничего»⁵⁸.

Скоро мысль, что «все живет одно мгновение» в сравнении со всеобщим, превратила жизнь Белинского в «мертвую пустыню, в безотрадное царство страдания и смерти»⁵⁹. Вспоминая умершего в Италии друга, он восклицает: «Зачем родился, зачем

⁵⁴ Там же. С. 353, 349.

⁵⁵ Там же. С. 316.

⁵⁶ Там же. С. 317.

⁵⁷ Там же. С. 316.

⁵⁸ Там же. С. 476.

⁵⁹ Там же. С. 547.

жил Станкевич?» Оказывается, что Бог всемогущ и безжалостен и как Молох общего, и как мертвая и бессознательная разумная природа⁶⁰.

Белинский попадает в трагическую ситуацию: «...Станк^{<евич>} верил личному бессмертию, Штраус и Вердер верят. Но мне от этого не легче: все так же хочется верить и все так же не верится»⁶¹. Он протестует «против всех субстанциальных начал», уравнивает Бога, философское Общее и природу, не может принять их из-за их немого равнодушия к частному, к жизни отдельного человека и при этом очень хочет, прямо-таки страждет личного бессмертия, но оснований для веры в него нет. Теперь он хочет не *верить* в бессмертие, а желая его, хочет *знать* — каково оно? Быть может, оно похоже на стакан с квасом, или на яблоко, а, быть может, на лошадь?

Такое состояние тягостно: «...я не могу жить без верований, жарких и фантастических...» Его выручает Фейербах: «В душе моей есть то, без чего я не могу жить, есть вера, дающая мне ответы на все вопросы. Но это уже не вера и не знание, а религиозное знание и соизнательная религия»⁶². Чтобы человек не был жалок и презираем, ему нужны *религиозные понятия*.

Терзания Белинского при осмыслении глубоких и трудных проблем своего экзистенциального Я позволяют видеть в нем одного из предшественников русского богоискательства. Так же как участников Религиозно-философских собраний и обществ начала XX века, Белинского мучает «ревность по Господе». Совсем по-бердяевски он восклицает: «Что человек без Бога? — труп холодный. Его жизнь в Боге, в нем он и умирает и воскресает, и страдает и блаженствует. А что такое Бог, если не понятие человека о Боге?»⁶³

Но трансцендентный Бог, который так приятен его приятелю Кульчицкому, который восседает где-то на небесах, для Белинского неприемлем, и он позволяет себе не только издеваться над «непосредственностью» своего друга, но и «плонуть в седую бороду» такого Бога.

Впрочем, не будем забывать, что богоискательство опасно. Фейербаховские корни экзистенциальных исканий Белинского, поворот в сторону художественного и социального реализма приводят его к богоборческому и атеистическому утверждению. «Истину я взял

⁶⁰ Там же. Т. XII. С. 97.

⁶¹ Там же. Т. XI. С. 558.

⁶² Там же. Т. XII. С. 114.

⁶³ Там же. С. 119.

себе — и в словах Бог и религия я вижу тьму, мрак. Цепи и кнут, и люблю теперь эти слова как следующие за ними четыре»⁶⁴.

Другой момент, общий для Белинского и богоискателей начала XX века — от Д. С. Мережковского до великого Толстого, — неприятие ими так называемой исторической церкви. В самом известном своем произведении — в зальцбурнском послании Гоголю — Белинский четко обозначает свою антицерковную позицию: христианство до тех лишь пор было «спасением людей, пока не организовалось в церковь и не приняло за основание принципа ортодоксии. Церковь же явилась иерархией, стало быть, поборницею неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницею братства между людьми — чем и продолжает быть до сих пор»⁶⁵. Напротив, Вольтер и Беранже отстаивают сущность христианства, а террористы XVIII века — ну, совсем как первые христиане...

От исторического христианства он оставляет только благородную личность Иисуса Христа. Христос всегда был путеводительным ориентиром Белинскому. Вот как это обстояло в нелегком для критика 1838 году (безответная любовь, ссоры с Боткиным и Бакуниным, конец «Московского наблюдателя»). Тогда Белинский написал: «...идеал человеческого совершенства есть Христос, а всякий обязан стремиться к возвышению себя до идеала. Достигнет ли он его, или нет, это не его дело; по крайней мере, он должен работать над собою каждую минуту, чтобы с лихвою возвратить Господу полученный от него талант. Кто же отрицаает в себе способность к усовершенствованию... тот отрицаet, что он создан по образу и подобию Божию, тот отказывается от человеческого достоинства и не имеет права называть людей своими ближними и братьями»⁶⁶.

⁶⁴ Там же. С. 250. Это — из письма А. И. Герцену от 26 января 1845 г., в котором, в частности, Белинский сообщает о своем впечатлении от «Парижского Ярбухера», т. е. от изданного К. Марксом и А. Руге в 1844 г. «Немецко-французского ежегодника» (*Deutsch-Französische Jahrbücher*). Исследователи Белинского в СССР поясняли, что резкость его напрямую определилась знакомством с напечатанной в «Ярбюхере» статьей К. Маркса «К критике гегелевской философии права. Введение». Здесь Белинского якобы заинтересовали всем известные строки: «Религия есть опиум народа. Упразднение религии как иллюзорного счастья народа есть требование его действительного счастья». Такой вывод был сделан при обнаружении подчеркиваний в экземпляре «Ярбюхера», принадлежащего Белинскому. Но еще П. Н. Сакулин утверждал, что «истина», которую Белинский «взял себе, к доктрине собственно марксизма отношения не имеет. Это — идея Фейербаха, правда, усвоенная и Марксом, но в сущности давно уже известная Белинскому» (Сакулин П. Н. Русская литература и социализм. М., 1924. С. 280–281).

⁶⁵ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. X. С. 214, 215.

⁶⁶ Там же. Т. II. С. 249.

Разумеется, Белинский не был систематиком-религиоведом, и потому у него Христос выступал то просто человеком, то Сыном Божиим, Испукителем рода человеческого. С Ним Божественное слово любви и братства огласило мир. «Испукитель рода человеческого приходил в мир для всех людей: не мудрых и образованных, а простых умом и сердцем рыбаков призвал он быть “ловцами человеков”, не богатых и счастливых, а бедных, страждущих, падших искал он, чтобы одних утешить, других ободрить и восстановить. Гнойные язвы на едва прикрытом нечистыми лохмотьями теле не оскорбляли его исполненного любви и милосердия взгляда. Он — Сын Бога — человечески любил людей и сострадал им в их нищете, грязи, позоре, разврате, пороках, злодействах... А мы — сыны человеческие — мы хотим любить из наших братий только равных нам, отворачиваемся от низших, как, от парий, от падших, как от прокаженных...»⁶⁷ «Христос первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечател, утвердил истину своего учения»⁶⁸; зачем же Вы, обращается Белинский к Гоголю, «примешиваете» Его к церкви, которая была «опорою кнута и угодницей деспотизма».

Ф. М. Достоевский сообщал, что Белинский «Христа ругал по матерну». Жаль, он не поведал, при каких обстоятельствах то происходило. От «человека экстрема» и не такое можно было услышать⁶⁹.

Однако и другое остается непреложным фактом — все, что написано Белинским о Христе, — всегда уважительно, всегда сердечно.

В пространстве религиозного сознания существует много позиций. Оно не разделимо на половины теизма и атеизма. Воспринимать Белинского как атеиста — грубое упрощение. Разумеется, движение литератора к атеизму есть несомненный факт, но большее значение для истории русской культуры имеет другой факт, а именно трагедия религиозного сознания «неистового Виссариона».

Имеется еще один аспект нашей проблемы. Когда в начале XX века расцвело «новое религиозное сознание», заговорили о «многообразии религиозного опыта», а привычные представления о религии стали

⁶⁷ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. X. С. 301.

⁶⁸ Там же. С. 214.

⁶⁹ П. И. Бартенев — со слов одного из свидетелей — поведал, будто на одном из вечеров у Д. Н. Свербеева «Т. Н. Грановский защищал уехавшего в Петербург Белинского и, в доказательство его невменяемости, рассказал, как однажды, после долгого спора с ним, Белинский вдруг влез на стол и начал снимать висевшую в углу икону. Что ты делаешь? Не тронь: это благословение моей матери! Но Белинский сбросил икону на пол и стал топтать ногами. “Собака!” — воскликнул после этого рассказа А. С. Хомяков и так ударил кулаком по столу, что стаканы с чаем задребезжали» (Русский архив. 1897. Кн. 4. С. 563).

размываться, тогда стали указывать не только на церковную (трансцендентальную) религиозность, но и на другую — гуманитарную (имманентную) религиозность культуры.

О религиозности русской интеллигенции говорил в своем докладе на первом заседании Религиозно-философских собраний В. А. Тернавцев. Зачинатель петербургского «неохристианства» Д. С. Мережковский на такой религиозности выстроил целую концепцию — и философию истории, и истории России, и даже политики (его соображения о религиозном характере революции 1905 года и о «религиозной общественности»). В сборнике «Вехи» об этом пишет С. Н. Булгаков: «Наряду с чертами отрицательными, представляющими собой симптом некультурности, исторической незрелости и заставляющими стремиться к преодолению интеллигенции, в страдательном ее облике просвечивают черты духовной красоты... Рядом с антихристовым началом в этой интеллигенции чувствуются и высшие религиозные потенции, новая историческая плоть, ждущая своего одухотворения. Это напряженное искальвание Града Божия, стремление к исполнению воли Божией на земле, как на небе... Уродливый интеллигентский максимализм с его практической непригодностью есть следствие религиозного извращения, но он может быть побежден религиозным оздоровлением».

Белинский со своим характером человека экстремы очень хорошо подходил на роль репрезентанта такой религиозности. Выше читатель уже мог познакомиться с суждением П. Н. Сакулина; Д. С. Мережковский посвящает Белинскому — представителю религиозной общественности целые выступления.

Даже светский Р. В. Иванов-Разумник почти превратил Белинского в богоискателя: «Всю жизнь снедала Белинского *ревность по Господе*, всю жизнь Белинский умирал и воскресал, страдал и блаженствовал в своем Боге»⁷⁰. Сначала, перечисляя далее автор, это было верой в Премудрую благость, правящую миром, вера в Абсолютный дух, затем вера в человечество («социальность, социальность — или смерть!», а потом уже — просто в человека... Богоискательство это, просто ли секулярный гуманизм — это все же только слова...

Основоположник русской литературной критики. Такое представление о Белинском сложилось в нашем обществе уже к середине 50-х годов XIX века — благодаря усилиям Н. Г. Чернышевского и огромному успеху первого издания сочинений критика. Иные

⁷⁰ Иванов-Разумник Р. В. Виссарион Григорьевич Белинский // Собрание сочинений В. Г. Белинского в трех томах / Под ред. Р. В. Иванова-Разумника. Изд. второе. СПб., 1913. Т. I. С. CXI.

мнения тоже существовали, но при радикализации общества во время подготовки и проведения реформ Александра II они не были также популярны. К концу XIX века уже можно было говорить, что «Белинский есть основа, первоисточник, краеугольный камень всей новой русской литературной мысли, живое воплощение всех тех новых начал, которые сделали русскую литературу важнейшим фактором нового направления русской гражданственности»⁷¹.

Формулу конца XIX века повторило советское белинсковедение в 1989 году: «Роль Белинского в русской критике подобна роли Пушкина в литературе». Собственно говоря, весь массив историко-литературных, литературоведческих и эстетических исследований о Белинском в советское время шел под знаком такой оценки. Опыт критического отношения к Белинскому, накопленный с середины XIX века, не принимался во внимание.

Первым критиком, посягнувшим на авторитет Белинского, был А. Л. Волынский, опубликовавший о нем три статьи в «Северном вестнике» в 1893 году. По его мнению, особенного порицания заслуживает Белинский-критик начиная с 40-х годов, когда им был начат путь в сторону натурализма и социального реализма. Воздав должное Белинскому — общественному деятелю, не отрицая восприимчивости его к прекрасному, А. Л. Волынский аргументированно показал, что критический талант Белинского совершенно неадекватен духовному содержанию таких величин русской литературы, как А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов. Суровыми красками Волынский описывает сознание Белинского последних лет его жизни: «Искусству оно не дает самостоятельной роли в жизни людей; философское исследование, обращенное на раскрытие смысла внутренних движений души и запросов ума, ищущих невещественного блага, оно отрицает ради ближайших интересов общества; религиозное сознание — при первом ошибочном движении в сторону догматики — оно готово осудить как лицемерие и ханжество. Это мировоззрение отрицательное ко всему, что не лежит на поверхности человеческой жизни, враждебное по отношению ко всякому чисто духовному порыву, не дающему чисто осязательных результатов»⁷².

Исходя из такой позиции и обобщая Волынский показал также, что русская «публицистическая критика», действительным отцом которой был Белинский, по родовым своим свойствам не могла воспринять действительного богатства русской литературы второй половины XIX века.

⁷¹ Венгеров С.А. Великое сердце // Русское богатство. 1898. Кн. 3. С. 151.

⁷² Волынский А.Л. Русские критики. СПб., 1896. С. 127.

Последователем Волынского в деле критики Белинского стал Ю. И. Айхенвальд. В 1913 году он написал злой памфlet о «Виссарионе-Отступнике», вызвавший на него огонь интеллигентской критики. В 1914 году он издает «Ответ критикам», где, настаивая на своих «антибелинских» тезисах, более аргументированно их воспроизводил. Во всем главном и не главном он вторил Волынскому. Он тоже «проверяет» Белинского Пушкиным, Гоголем, Лермонтовым, Достоевским. Он тоже считает, что Белинский был «близок к тому, чтобы построить русскую критику на единственно законном эстетическом фундаменте», но не сделал этого, «направив решительные шаги в сторону вульгарного утилитаризма»⁷³. В «Ответе критикам», чтобы сразить своих оппонентов окончательно, Ю. И. Айхенвальд тщательно фиксирует долгий ряд литературно-критических ошибок Белинского, допущенных им в оценках тех или иных поэтов и писателей.

Помимо того, играя на «понижение» образа Белинского, Айхенвальд нарисовал портрет несамостоятельного литератора, «аккумулятора» чужих мнений, человека, лишенного «непосредственной духовной цельности», что и определило его противоречивость настолько, что произведения Белинского невозможно цитировать: на каждую из них найдется цитата противоположного содержания.

Оппоненты Айхенвальда — особенно весомы были выступления П. Н. Сакулина, Р. В. Иванова-Разумника, Н. Л. Бродского — горячо отстаивали традиционное высокое мнение о Белинском. Они отвели вздорное обвинение Белинскому в отсутствии у него «субстанциального зерна», подчеркивая, что таким «зерном» был персонализм критика, они аргументированно показали, что существует такая соотносительность самостоятельности и влияний, когда вторые не исключают первую, а даже усиливают ее. Благодаря этому оппонентам удалось в значительной степени снять упреки в «ненадежности» Белинского, соотнеся противоречия его статей со ступеньками мировоззренческой и литературно-эстетической эволюции критика.

Однако заметно, что оппоненты Айхенвальда обошли существенную проблему об адекватности социально-ориентированной критики Белинского действительному содержанию духовного мира русской литературы. Ничего не смогли они поделать и с указаниями Айхенвальда на конкретные критические ошибки Белинского.

Дело в том, что современники Белинского и его многие читатели второй половины XIX века просто-напросто не ощущали разновидленности его таланта и талантов Пушкина, Лермонтова, Гоголя,

⁷³ Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. С. 506.

Достоевского, потом Толстого... Но с возрастанием социального, интеллектуального и художественного опыта России — а этот процесс пошел очень быстро в последней трети XIX века — тех, кто это понимал, — как ранее это понимали, но не могли выразить П. А. Вяземский и М. П. Погодин, — становилось все больше, и они заявили о себе выступлениями А. Л. Волынского, В. Я. Брюсова, М. О. Гершензона, А. А. Блока, Ю. И. Айхенвальда и иных представителей «русского духовного ренессанса». Появился новый читатель — «просвещенное меньшинство» с национализмом, открытым прогрессивным чаяниям, который отталкивался и от византийско-московской «самобытности», и от «освободительного движения» вчерашнего дня⁷⁴.

Можно было бы сказать, что «просвещенное меньшинство» предъявило Белинскому несоразмерные для его времени требования. По крайней мере, так, на первый взгляд, выглядит ситуация. Но дело в том, что просвещенство и утилитаризм еще не покинули культуру в начале XX века, продолжая существовать в сознании «непросвещенного большинства»; тем объясняется страшная сила удара по Белинскому...

Имеется другое, так сказать, «техническое» объяснение. Литературная критика «ренессанса» очень специализировалась, стала изощренной. Она полюбила слово как таковое, его звучание и место среди других слов. Напротив, «непрофессионализм» того типа критики, что был создан Белинским, стал раздражать. Раздражали сами объемы статей — образов литературы, длинноты цитирования, длинноты подступа к анализу собственно произведения, отвлечения от прямой темы к какой-то другой, нелитературной, возвраты к уже сказанному...

Такие раздражения понятны, и — тем не менее...

Исторического деятеля оценивают изначально по тому новому, что он внес в жизнь; потом — подсчитывают его промахи и ошибки. Утомленный «наследством» ренессанс начал со второго. На нашу долю выпало быть объективными, увидеть Белинского как представителя времени становления русской национальной культуры и создания литературной критики особого рода, а именно такой критики, которая вместе с литературой и неотделимо от нее стала основной формой выражения русского национального самосознания.

Литературная критика времен Белинского совсем не была критикой в специальном, «европейском» смысле этого слова. Европейская следовала за литературой, за сменой ее эпох и стилей. Русская питалась не столько от литературы, сколько от взаимодействия литературы и жизни. Литературный критик выступил представителем читатель-

⁷⁴ См.: Маковский С.К. На Парнасе Серебряного века. М., 2000. С. 19.

ской массы, вопрошающей литератора обо всем, что его волнует. Для его вопросов нет границ и пределов. Он судит-рядит об истории и народе, о власти и зле, о вере и морали, о крепостничестве и воле, о философии и религии... Литературный критик часто и литературой не интересовался, а интересовался тем, «когда же придет настоящий день?» или как себя ведет «русский человек на randevу».

Да, Белинский является основоположником такой, универсальной критики. Она была необходима в свое время, время синкретизма русской культуры. Тогда ее области свободно, без различимых границ соседствовали одна с другой или даже перетекали одна в другую: литература в философию, философия — в религию, а последняя тщилась исполнять какие-то социальные функции... Собственно, литературоцентризм нашей культуры, нашей общественной жизни во многом стал продуктом такой критики.

Следовательно, и оценка его должна быть другой, нежели оценка критика-специалиста. Конечно же, Белинский — это литературный критик, но «первое» такого его значения выступает иное — воспитателя русского общества в идеалах разума, добра и человечности. По этому случаю совершенно удачно выразился Р. В. Иванов-Разумник: «...определить Белинского словом “kritik” — это все равно, что назвать Достоевского “романистом”: это только случайная, внешняя форма их проявления. Бесспорно, Достоевский — “романист”, но прежде всего он глубокий религиозный мыслитель; Белинский — критик, но прежде всего он творец этико-социологического миросозерцания»⁷⁵.

* * *

На одном из вечеров на Фонтанке, в Русской христианской гуманитарной академии, — а то было в мае 2010 года, — докладчик из Иванова, М. В. Максимов, руководитель Центра исследования творчества В. С. Соловьева, назвал этого последнего «ключевой фигурой» русской мысли.

Ему возразили. И. И. Евлампиев назвал такой фигурой Достоевского; автор предлагаемой статьи, имея в виду веховское понимание русской революции как центрального события нашей истории XIX века, назвал ключевой фигурой В. Г. Белинского.

Действительно, все идеинные сражения, состоявшиеся в России сразу после смерти «Великого тормоза» и во время подготовки

⁷⁵ Иванов-Разумник Р. В. История русской общественной мысли: В 3 т. М., 1997. Т. 1. С. 349–350.

и проведения крестьянской реформы, — это сражения за решение одного вопроса — о том, как идти России — по эволюционному или революционному пути. Вчитываясь в эти споры, совершенно отчетливо видишь, как фигура Белинского начинает приобретать ключевое значение в той самой русской истории, которая завершилась революцией 1917–1921 годов.

Однако, пообсуждав предложенные кандидатуры, участники вечера решили вопрос по-бердяевски, в духе его учения об антагонизме русской души. Если есть революция, то есть и контрреволюция. Если есть Белинский, то должен быть его антипод; разумеется, им стал Достоевский. Итак, порешили собравшиеся, ключевой момент русского сознания представлен двуединой фигурой Белинского-Достоевского.

* * *

Приношу свою признательность друзьям и сочувственникам из Русской христианской гуманитарной академии за их постоянную мне поддержку. Я благодарен З. А. Ивановой за всю помощь, оказанную при работе над Антологией. Особенную благодарность я выражаю профессору Пензенского Педагогического университета им. В. Г. Белинского И. П. Щеблыкину и библиографу Русской Национальной библиотеки В. Э. Зайцевой.

